
Конференция по разоружению

3 February 2011
Russian

Окончательный отчет об одна тысяча двести втором пленарном заседании,
состоявшемся во Дворце Наций, в Женеве, в четверг, 3 февраля 2011 года, в 10 ч. 10 м.

Председатель: г-н Мариус Гриниус (Канада)

GE.11-61212 (R) 060314 110314

* 1 1 6 1 2 1 2 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Председатель (*говорит по-английски*): 1202-е пленарное заседание Конференции по разоружению объявляю открытым. Я вот хотел бы коснуться дискуссий, проходивших во вторник. У нас было 23 оратора, и работали мы до 13 ч. 00 м. И мне подумалось, что это был весьма хороший обмен мнениями по проблеме ядерного разоружения, и я надеюсь, что каждый нашел этот обмен полезным. Ну а потом у нас было неофициальное мероприятие с нашими коллегами-переводчиками. Они уже сюда вернулись, и я могу помахать им всем рукой. Как мне подумалось, это было очень, очень хорошее мероприятие, и я благодарю всех вас за участие – как здешних коллег, так и наших коллег, которые делают всю ту работу у нас за спиной – устных переводчиков. Определенно, как мне подумалось, это было очень стоящее мероприятие.

Наконец, я хотел бы коснуться просьбы Пакистана распространить в качестве официального документа Конференции по разоружению пресс-релиз из Равалпинди от 14 декабря 2010 года. Тут речь идет о заседании пакистанского Национального главнокомандования и содержится изложение их взглядов, в частности, относительно стратегического сдерживания, его важности и относительно других аспектов. Вот с этим предисловием я и хотел бы перейти к нашему списку ораторов на сегодня по второй стержневой проблеме – по расщепляющемуся материалу. В список ораторов у нас уже записалось что-то около 24–25 ораторов. И я просил бы всех вас не забывать о времени, потому что я хотел бы сделать так, чтобы каждый, кто хочет выступить, действительно имел такую возможность. Первыми пятью ораторами у меня в списке являются Австралия, Венгрия – от имени Европейского союза, Соединенное Королевство, Бразилия и Турция. Слово имеет Австралия.

Г-н Вулкотт (Австралия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я вновь хочу поблагодарить вас за ваше предложение делегациям сосредоточить свои заявления на конкретных ключевых проблемах в ходе каждого из пленарных заседаний на второй и третьей неделе вашего председательства, и вот сегодня – на расщепляющемся материале. Австралия уповает на сегодняшнюю дискуссию и рассчитывает услышать национальные воззрения по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, обычно известному как договор о прекращении производства расщепляющегося материала (ДЗПРМ).

Австралия привержена миру, свободному от ядерного оружия, и достижению этой цели за счет сбалансированных, поступательных и взаимоукрепляющих шагов. В этом отношении ближайшим разоруженческим и нераспространенческим приоритетом Австралии на Конференции по разоружению является скорейшее начало переговоров по ДЗПРМ на основе мандата Шеннона 1995 года, изложенного в документе CD/1299.

Австралия, конечно, не одинока в признании особенной важности скорейшего начала переговоров по ДЗПРМ. Обзорная Конференция 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия вновь подтвердила в своем консенсусном Плана действий "насущную необходимость проведения и успешного завершения переговоров о недискриминационном, многостороннем и поддающемся эффективному международному контролю договоре о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств". Производство расщепляющегося материала оружейного назначения являет собой перманентную угрозу для международного мира и безопасности. Австралия по-прежнему призывает все государства, которые продолжают производить этот материал, присоединиться к глобальному мораторию на производство такого материала.

Урегулирование по расщепляющемуся материалу – по самой основе ядерного оружия – посредством проверяемого ДЗПРМ является следующим логическим шагом в плане контроля над ядерными вооружениями и разоружения. ДЗПРМ давал бы как разоруженческие, так и нераспространенческие преимущества. Он бы не только значительно ужесточил международный контроль над расщепляющимся материалом, но и поставил шлагбаум перед любым государством, желающим приобрести потенциал для производства ядерного оружия.

Австралия признает, что члены Конференции по разоружению имеют множество воззрений по проблемам, которые заложили бы основы ДЗПРМ. Однако эти расхождения во взглядах не должны помешать нам начать переговоры; в сущности, они являются отправной точкой для проведения переговоров. Когда на Конференции по разоружению начнутся переговоры по ДЗПРМ, будет иметься комплекс проблем, которые нужно будет урегулировать переговорщикам. Эти проблемы включают проверку, сферу охвата и вступление в силу, институциональные механизмы и положения об урегулировании споров. Кроме того, переговорщикам по ДЗПРМ нужно будет решить, как трактовать вопрос об уже существующих запасах.

Однако сегодня в своих комментариях я хочу сконцентрироваться на определениях по ДЗПРМ. Хотя проблема определений будет сопряжена с весьма значительными вызовами, когда начнутся переговоры по ДЗПРМ, тут у нас наилучшее место для того, чтобы начать технические дискуссии по ДЗПРМ. Левый и правый свод договора о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств будет образовывать определение двух терминов: "расщепляющийся материал" и "производство".

Что касается "расщепляющегося материала", то, по мнению Австралии, расщепляющимися материалами, которые подлежат охвату по ДЗПРМ, должны быть материалы, имеющие отношение к изготовлению ядерного оружия; в широком плане тут идет речь о высокообогащенном уране и плутонии.

Материалами, рассматриваемыми Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) для целей гарантий как "материалы прямого использования", а именно ядерными материалами, которые могут быть использованы при производстве ядерных взрывных устройств без трансмутации или дальнейшего обогащения, являются: высокообогащенный уран – уран, обогащенный до 20 или более процентов по изотопу уран-235; плутоний, содержащий менее 80% изотопа плутоний-238; и уран-233.

Эти определения, как представляется, являются подходящей основой для ДЗПРМ, но со следующими оговорками: Австралия считает, что как "расщепляющийся материал" не следует рассматривать плутоний и уран-233 в облученном топливе. Дело в том, что они не могут быть использованы для ядерных взрывных устройств без предварительного отделения путем переработки от облученных топливных стержней, продуктов деления и других материалов. Исторически в ядерном оружии используются такие материалы, как высокообогащенный уран и плутоний, но нам нужно посмотреть, не должен ли ДЗПРМ охватывать и другие расщепляемые материалы, которые могли бы быть использованы для производства ядерного оружия.

В этом отношении МАГАТЭ идентифицировало в качестве альтернативных ядерных материалов, сопряженных с возможной распространенческой озабоченностью, нептуний и америций. Из них с точки зрения потенциально наличных количеств в отработанном топливе и его пригодности для использова-

ния в ядерных взрывных устройствах наиболее значимым является нептуний. Как и плутоний и уран-233, нептуний и америций производятся путем облучения урана и должны стать предметом ДЗПРМ только после разделения путем переработки.

Принимая в расчет эти определения в отношении расщепляющегося материала, мы можем рассмотреть определение "производства". В этом отношении Австралия усматривает в качестве особенно значимых два процесса: обогащение урана в случае высокообогащенного урана и отделение от облученного топлива путем переработки применительно как к плутонию, так и к урану-233.

Как уже отмечалось, Австралия не рассматривает плутоний или уран-233, содержащиеся в облученном топливе как "расщепляющийся материал", ибо, прежде чем он сможет быть использован в ядерном оружии, его надо сперва отделить путем переработки. Сообразно с этим воззрением Австралия не считает, что облучение уранового или ториевого топлива для создания плутония или урана-233 является "производством" расщепляющегося материала. По мнению Австралии, "производство" плутония или урана-233 должно включать только процесс отделения путем переработки. Если же ДЗПРМ будет охватывать облучение, то он имел бы чрезвычайно широкий охват, что сделало бы эффективную международную проверку громоздким и крайне дорогостоящим делом и тем самым возложило бы ненужное бремя на государства – участники договора.

Я должен также четко сказать: Австралия не считает, что ДЗПРМ должен воспрещать производство расщепляющегося материала как таковое – он должен воспрещать только производство для ядерного оружия или ядерных взрывных устройств. Австралия считает, что не следует воспрещать переработку на предмет гражданского применения. Аналогичным образом ДЗПРМ не должен воспрещать производство высокообогащенного урана для целей гражданского применения. Хотя глобальные усилия принесли значительный успех в плане обширного сокращения количества высокообогащенного урана, используемого в гражданских реакторах или в невзрывных военных целях, например в военноморских двигательных установках, по-прежнему применялись бы существующие гарантийные положения МАГАТЭ, имеющие отношение к этой деятельности.

Вот в широком смысле воззрения Австралии на то, как можно было бы определить в ДЗПРМ расщепляющийся материал и производство расщепляющегося материала. Тем из нас, кто ведает этими проблемами в политическом ракурсе, придется немало изучить их в техническом разрезе. Тем не менее ясно, что это богатая арена для дискуссий, да и для эвентуальных переговоров. И я рассчитываю услышать сегодня и другие заявления по этой важной теме.

Г-н Декань (Венгрия) (*говорит по-английски*): Я имею честь выступить от имени Европейского союза. К этому заявлению присоединяются страны-кандидаты: Турция, Хорватия, бывшая югославская Республика Македония, Черногория и Исландия; страны – участницы процесса стабилизации и ассоциации и потенциальные кандидаты: Албания, Босния и Герцеговина, Сербия; и вдобавок Украина, Республика Молдова, Армения и Грузия.

Как мы уже заявляли в своем вступительном заявлении 27 января 2011 года, мы отводим четкий приоритет немедленному началу и скорейшему завершению на Конференции по разоружению переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств – ДЗПРМ – на основе докумен-

та CD/1299 от 24 марта 1995 года и мандата, содержащегося в нем, а впоследствии указанного и в документе CD/1864.

Для Европейского союза начало этих переговоров является неотложным и важным делом. Эффективный ДЗПРМ представлял бы собой значительный шаг в процессе ядерного разоружения, равно как и укреплял бы ядерное нераспространение. Европейский союз убежден, что, запрещая производство расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, ДЗПРМ внесет значительный вклад в усилия по ядерному разоружению по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Логично, что ДЗПРМ представляет собой следующий многосторонний инструмент, подлежащий переговорам в сфере ядерного разоружения в порядке дополнения ДНЯО и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Поддержка международного сообщества в отношении незамедлительного начала на Конференции по разоружению переговоров по ДЗПРМ была выражена в Заключительном документе обзорной Конференции 2010 года по ДНЯО и в резолюции 65/65 Генеральной Ассамблеи.

Мы ценим весьма богатый обмен взглядами по ДЗПРМ, который вновь состоялся в ходе прошлогодней сессии и который помог членам Конференции по разоружению прояснить многие кардинальные проблемы, включая проблемы, касающиеся сферы охвата, определений, проверки и институциональных механизмов.

Европейский союз неоднократно заявлял, что с началом переговоров по ДЗПРМ ничто не может быть исключено из рассмотрения. Все государства – члены Конференции по разоружению должны понимать, что интересы национальной безопасности, пусть и законные, должны урегуливаться в рамках переговорного процесса, а не выступать в качестве предварительного условия. Мы также считаем, что есть меры укрепления доверия, которые могли бы быть приняты немедленно, и тут нет необходимости дожидаться начала официальных переговоров. Именно поэтому мы и призываем все государства, обладающие ядерным оружием, объявить и выдерживать мораторий на производство расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

В своем выступлении в среду на прошлой неделе Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций напомнил о почти универсальной поддержке в рамках Конференции по разоружению переговоров по договору о расщепляющемся материале. Вместе с тем ввиду продолжающегося затора на Конференции по разоружению он коснулся и недавних соображений о том, что следует поискать альтернативные механизмы. Он также задался вопросом, а не могли ли бы мы, прежде чем мы достигнем согласия относительно официальных переговоров по договору на Конференции, начать в качестве первого шага неформальный процесс, просвещая тем самым друг друга и укрепляя доверие и в то же время подкрепляя информационно и облегчая официальный процесс, как только Конференция по разоружению примет свою программу работы.

Европейский союз приветствует эти идеи, которые заслуживают дальнейших обсуждений и размышлений на данной Конференции. Поддерживаем мы и основательные пленарные дискуссии по проблемам ДЗПРМ, подкрепляемые техническими дискуссиями на уровне экспертов, что способствовало бы подготовке переговоров на Конференции по разоружению. Мы рассчитываем творчески обсудить со всеми членами Конференции по разоружению возможные механизмы, которые позволят нам добиться сдвигов в русле скорейшего начала переговоров по ДЗПРМ на этом форуме.

Г-н Дункан (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии) (*говорит по-английски*): Соединенное Королевство полностью поддерживает речь посла Венгрии от имени Европейского союза, и, как я уже говорил на этой неделе, правительство Соединенного Королевства привержено долгосрочной цели – миру без ядерного оружия и прогрессу по многостороннему разоружению. Мы всерьез воспринимаем свои разоруженческие обязательства по Договору о нераспространении ядерного оружия и добились существенного прогресса во многих областях, как было освещено на Конференции в моей речи во вторник.

Те пять лет, что мне доводится служить в качестве посла Соединенного Королевства на этом форуме, меня регулярно поражает, как часто мы оглядываемся назад на те славные дни и даже проблемы, которые отягощают нас с тех пор, и поэтому мы весьма приветствуем ваш подход, в связи с которым вы можете рассчитывать на нашу полную поддержку и который построен на том, чтобы идти вперед и попытаться откликнуться на многие призывы из многих источников – продвинуть вперед работу этого органа. Дабы поступательно продвигать обязательства Соединенного Королевства, мы считаем приоритетом достижение договора о прекращении производства расщепляющегося материала, с тем чтобы проверяемым образом запретить дальнейшее производство расщепляющегося материала для целей ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

ДЗПРМ является следующим логическим шагом по пути к миру без ядерного оружия. Он являет собой важный строительный блок международной архитектуры наряду с укрепленным Договором о нераспространении ядерного оружия, с тем чтобы добиться разоружения и предотвратить распространение ядерного оружия, и со вступлением в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Соединенное Королевство сохраняет твердую приверженность началу переговоров по ДЗПРМ в рамках Конференции по разоружению. На наш взгляд, Конференция остается наилучшим вариантом для переговоров по ДЗПРМ со всеми ключевыми ядерными субъектами. Вовлечение этих ключевых субъектов в любой договор имеет важное значение, дабы удовлетворить чаяние международного сообщества на тот счет, что это содержательным образом укрепит глобальную структуру разоружения и нераспространения.

Программа работы на 2009 год (документ CD/1864), которая дает консенсусный мандат на дискуссии по всем пунктам повестки дня и начало переговоров по ДЗПРМ, остается той основой, исходя из которой нам и надо попытаться достичь согласия по программе работы в 2011 году.

Как полагает Соединенное Королевство, сила Конференции по разоружению сопряжена с тем уважением, какое она демонстрирует по отношению к интересам национальной безопасности каждого члена за счет своих Правил процедуры. Правило консенсуса обеспечивает защиту таких интересов, как на стадии переговоров, так и на эвентуальных стадиях подписания и ратификации любого договора.

Однако, как напомнил нам Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, это сопрягается с обязанностью международного сообщества демонстрировать неуклонный прогресс. Как все мы знаем, международное сообщество испытывает растущее разочарование в связи с инертностью Конференции по разоружению. И поэтому мы еще раз призываем всех членов Конференции по разоружению стремиться в конструктивном духе вовлекать своих

коллег из различных группировок в усилия с целью найти способы выстроить понимание по ключевым проблемам и добиться того или иного прогресса в русле проверяемого и международно признанного ДЗПРМ.

Если же мы потерпим фиаско в этом отношении, то это может побудить другие государства искать альтернативы Конференции по разоружению, с тем чтобы продвигать свои разоруженческие чаяния. А это, на наш взгляд, не благоприятствовало бы заключению того рода всеобъемлющего и содержательного договора, на какой уповает международное сообщество.

Со своей стороны, Соединенное Королевство неоднократно выражало готовность мобилизоваться по всем четырем ключевым проблемам Конференции по разоружению, которые все должны обсуждаться в рамках любой программы работы. Однако, дабы сделать это, нам нужно, чтобы членский состав сплотился и обеспечил, чтобы правило консенсуса не применялось таким образом, когда вообще блокировалась бы всякая дискуссия.

Соединенное Королевство также готово взаимодействовать с государствами-членами, предлагая новые способы с целью генерировать какой-то прогресс по ДЗПРМ, коль скоро их предложения по-прежнему прочно опираются на структуру и Правила процедуры Конференции по разоружению. Я весьма приветствую детальные соображения, выдвинутые несколько минут назад нашим австралийским коллегой, и мы весьма тщательно их посмотрим. Как он вполне правильно сказал, тем из нас, кто занимается политическим ракурсом, придется немало поучиться в техническом разрезе с учетом использования расщепляющегося материала в гражданском контексте, будь то в научном или промышленном.

И наконец, Соединенное Королевство напоминает об обзорной Конференции 2010 года по ДНЯО и о том, каким образом она продемонстрировала то, что может быть реализовано, и те компромиссы, которые могут быть достигнуты в ходе активных переговоров между странами. В этом ракурсе мы призываем государства-члены добиться предметного прогресса по ДЗПРМ в ходе сессии Конференции по разоружению 2011 года, с тем чтобы реализовать одно из ключевых обязательств, принятых в Заключительном документе обзорной Конференции.

Г-н ди Маседу Суарис (Бразилия) (*говорит по-английски*): Некоторые из заявлений, сделанных до сих пор в ходе нынешней сессии Конференции по разоружению, повторяют, не в очень убедительном тоне, причитания по поводу паралича и инертности этого органа и увещевания на тот счет, что он должен вернуться к работе. Я понимаю эти соображения как здоровые признаки скромности в том смысле, что с 1996 года мы не заключили на этой Конференции никакого нового юридического инструмента. Действительно, у нас нет причин для ликований, но ведь Конференция все же работает и пытается достичь консенсуса. По крайней мере, что касается моей делегации, то я бы не считал праздностью наше здешнее собрание сегодня утром, каким бы приятным оно ни было.

В сущности, мы безуспешно ведем переговоры. Мы пытаемся достичь необходимого консенсуса о том, как нам трансформировать в юридические обязательства политические принципы, воплощенные в столь многих резолюциях Генеральной Ассамблеи и других многосторонних форумов относительно разоружения и мира.

Ну а почему же мы не можем договориться? В принципе потому, что государства, обладающие ядерным оружием, и союзные государства хотят ограничить работу Конференции по разоружению переговорами о запрещении про-

изводства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Эти государства не могут принять включение в переговорный мандат всякого упоминания других аспектов, сопряженных с такими расщепляющимися материалами.

Кроме того, не все из тех же самых государств соглашаются на переговоры по договору с целью защитить государства, не обладающие ядерным оружием, от применения или угрозы применения против них ядерного оружия и на переговоры по договору о запрещении размещения любого оружия в космическом пространстве. Наконец, что еще гораздо важнее, нет вообще никаких подвижек в русле договора о запрещении ядерного оружия, как того требует людская совесть применительно к любому оружию массового уничтожения.

Общественность всего мира выступает против оружия массового уничтожения, будь то химическое оружие, биологическое и токсинное оружие или ядерное оружие. Все они носят отвратительный характер, и их применение, как уже упоминалось здесь одним из наших коллег, было бы преступлением против человечности. Разрабатывать, совершенствовать, накапливать эти вооружения и развертывать их в боевой готовности к оперативному применению, – все это равносильно приготовлению к такому преступлению.

Государства, обладающие ядерными арсеналами, часто ссылаются на свою потребность в сдерживании. Как все мы знаем, термин "сдерживание", применяемый в стратегическом значении, имел смысл в контексте "холодной войны" между Востоком и Западом. Сдерживание в этом контексте означало достижение баланса между соперниками, с тем чтобы были нейтрализованы, взаимно иммобилизованы противостоящие арсеналы. Обычно к термину "сдерживание" государства, обладающие ядерным оружием, добавляют прилагательное "убедительное", а это означает, что их арсеналы должны носить значительный характер.

В нынешней глобальной политической и стратегической конфигурации ядерное оружие не направлено на балансирование потенциально противоположных факторов могущества. Оно скорее призвано крайне архаичным способом демонстрировать само могущество в плане запугивания. Как вы сказали, г-н Председатель, нам следует попытаться мыслить, выходя за рамки стереотипов "холодной войны". Я мог бы добавить: мыслить, выходя за рамки колониалистских стереотипов, когда какая-то группа государств считают себя выше всех остальных и иммунными от гуманитарных соображений и международно-правовых принципов. Как заявило одно государство-член, ядерное оружие носит аморальный и незаконный характер; а соответственно, аморальный и незаконный характер носит и обладание ядерным оружием.

Коль скоро "холодная война" считается закончившейся, в качестве оправдания для сохранения арсеналов выставляется их существенная важность для безопасности. Собственно, каждое государство несет ответственность за обеспечение защищенности территории и природных ресурсов своих сограждан. Кроме того, за счет дружественных отношений с соседями и международным сообществом в целом государства обеспечивают национальную безопасность путем поддержания вооруженных сил для оборонных нужд, а не для угрозы другим государствам. Во всяком случае, можно было бы задаться вопросом: вправе ли то или иное государство политически, юридически и морально обладать оружием массового уничтожения и развертывать его для своих оборонных нужд.

Достойно также сожаления, что ряд других государств, которые по разным причинам, но во всяком случае не верят в возможность или желательность демократической международной системы, соглашаются поставить себя под защиту ядерных арсеналов, отказываясь тем самым от своего влияния на благо построения более безопасного мира.

Многие делегации, похоже, испытывают радость в связи с недавними позитивными веяниями и событиями, например в связи с тем, что обзорная Конференция 2010 года по ДНЯО без возражений приняла конкретный План действий. Между тем, поскольку ДНЯО не является постоянной организацией, сам по себе он не может обеспечить осуществление этих решений. Обязанность по реализации Плана действий лежит на государствах-участниках.

Но то, что мы наблюдали в последующие месяцы, вовсе не обязательно указывает в этом направлении. Весьма могущественный альянс провозгласил свою новую стратегическую доктрину, которая эксплицитно базируется на ядерном оружии. И поэтому трудно питать доверие в отношении любого ядерно-разоруженческого намерения любого из членов такого альянса.

Два государства, обладающих крупнейшими арсеналами, заключили позитивный двусторонний договор, нацеленный на сокращение количества боеголовок и другие меры, включая обоюдную проверку. Вместе с тем тут идет речь об инструменте по сокращению вооружений, который благоприятствует улучшению отношений между сторонами, а тем самым и международного политического климата, но это не означает упразднения ядерных арсеналов и их основополагающей логики. Еще две ядерные державы заключили двустороннее соглашение, которое, пожалуй, гораздо больше нацелено на то, чтобы придать более политический, более экономичный и практичный характер управлению их соответствующими арсеналами.

Президент Федеративной Республики Бразилия г-жа Дилма Руссефф в своей инаугурационной речи в январе 2011 года заявила: "Наша традиция в плане защиты мира не позволяет нам какого-либо безразличия по отношению к существованию колоссальных атомных арсеналов, по отношению к ядерному распространению, по отношению к терроризму и транснациональной организованной преступности".

Как мы знаем, формулировки такого рода заявлений тщательно редактируются. Для Бразилии ядерное оружие и другие упомянутые напасти входят в одну и ту же корзину. И с учетом такого положения дел просто печально слышать от некоторых делегаций, что проблема упирается в механизм.

За последние два года было внесено два официальных предложения по программе работы. Документ CD/1864 был принят консенсусом и снискал себе поддержку Бразилии. Документ CD/1889 был предложен, чтобы обойти препятствия, которые мешали реализации документа CD/1864. Он предусматривал несколько более четкий зазор для трактовки аспектов, касающихся расщепляющегося материала, помимо запрета на новое производство. Я говорю более четкий зазор потому, что, на мой взгляд, так называемый мандат Шеннона не ограничивает рамки переговоров одним только будущим производством расщепляющегося материала. Делегация, которая, казалось, была озабочена больше всего, предпочла не воспользоваться этим зазором. И между тем я должен сказать, что одна из региональных групп дала знать Председателю, что предложение не смогло бы получить ее поддержку, даже хотя ряд отдельных делегаций членов этой группы и изъявили готовность принять этот документ.

На протяжении первых двух недель этой сессии мы слышим от некоторых делегаций, что они по-прежнему выступают против переговоров по юридическим инструментам о негативных гарантиях безопасности и о запрещении оружия в космическом пространстве. Эти делегации даже не берут на себя труд упомянуть свою оппозицию самой идее договора о запрещении ядерного оружия.

Эти делегации пользуются своим правом заблокировать консенсус, которое предоставляется Правилами процедуры. И имеет ли смысл возражать, что тут имеет место злоупотребление консенсусом? Имеет ли смысл попытаться предпринять переговоры по любой из ключевых проблем нашей повестки дня за счет параллельных процессов, которые могли бы дать быстрые, но не очень эффективные результаты? Имеет ли смысл навязывать Конференции по разоружению предельный срок для достижения результатов – до конца этой сессии? Имеет ли смысл ставить ультиматум самим себе?

Конечно, было бы здорово пересмотреть комплекс механизмов, созданных в 1978 году. Уже давно назрела потребность в проведении новой специальной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной разоружению, и вовсе не обязательно и, во всяком случае, не исключительно для того, чтобы заняться институциональным строительством. Гораздо важнее, чтобы четвертая специальная сессия Генеральной Ассамблеи, посвященная разоружению, обеспечила открытое для всех достаточное пространство для обстоятельных дебатов по всем аспектам разоружения. Она должна востребовать новые веяния и реальности международных отношений, так хорошо вычлененные в пражской речи президента Барака Обамы в 2009 году.

К сожалению, мы и тут не можем заручиться необходимой поддержкой. Некоторые из моих коллег говорят, что они, или их правительства, теряют терпение. И никто не может предложить какое-то конкретное средство от такого недуга. Метаболизм международной политики, особенно в тонком эфире ядерной стратегии, идет медленно и требует упорства и хладнокровия.

Г-н Председатель, мы благодарны вам за ваши усилия с целью организовать дебаты в период вашего мандата. Поскольку наш долг состоит в том, чтобы слушать друг друга и реагировать на выдвигаемые идеи и позиции, мы, естественно, должны излагать восприятия своих стран. Наше ремесло сопряжено с подбором слов, которые могут генерировать результаты в виде многосторонних обязательств. Что же касается успеха, то он носит непредсказуемый характер как во времени, так и по содержанию.

Как я понимаю, вы еще не ощутили склонности к консенсусу по программе работы в форме документа CD/1864. Моей делегации не пристало вмешиваться в то, как вы ведете дела, но я не могу не сказать, что ничто не мешает вам предложить программу работы.

Во всяком случае, моя делегация приветствовала бы инициативу председательства по созыву вспомогательного органа для обсуждения вопроса о ядерном разоружении, и в особенности договора о запрещении ядерного оружия. Поскольку в этом состоит наивысшая цель, какую мы можем достичь, и учитывая ее широкую поддержку, о чем свидетельствует Заключительный документ обзорной Конференции 2010 года по ДНЯО, такая инициатива стала бы знаменательным моментом вашего председательства. Это создало бы основу укрепления доверия, что упрочивало бы продвижение по другим проблемам, таким как переговоры по юридическому инструменту о расщепляющемся материале для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

Значительное число делегаций четко заявляют, что переговоры по расщепляющемуся материалу должны не только предусматривать запрет на будущее производство по вступлении инструмента в силу, но и урегулировать все другие аспекты, включая уже существующий материал. Это обеспечило бы, чтобы результаты оправдывали ожидания не только в отношении нераспространения, но и в отношении разоружения.

В ходе сессии 2010 года Бразилия внесла свою лепту в эти дебаты в документе CD/1888 о возможной структуре договора. Рамочный, или зонтичный, договор устанавливал бы общие положения, такие как цели, определения, сфера охвата и заключительные положения. К нему добавлялся бы протокол, в сущности, относительно запрета на производства и второй протокол – по другим аспектам, включая уже существующий материал. Оба протокола содержали бы свои соответствующие положения о проверке. Эта структура была рассчитана на то, чтобы придать гибкость переговорам. Как мы заметили, противоположные воззрения по вопросу о расщепляющемся материале имеют отношение к настоящию на том, чтобы заранее увязать не только результаты переговоров, но и их процедуры.

Более 100 лет назад на Второй Гаагской конференции мира Бразилия отстаивала равное участие всех государств в решениях. Американский историк Барбара Такман в своей книге "The Proud Tower" упоминает это обстоятельство, добавляя, что особенно зануден был бразильский делегат, и эта характеристика, похоже, сохраняется и в моем случае, но уверяю вас, что это вовсе не обязательно национальная черта.

Последующие войны, несколько неудачный опыт организации, которая оставила нам это здание, и устойчивость колониализма помешали значительному прогрессу в демократическом ведении многосторонних отношений. Организация Объединенных Наций кардинально изменила основы международных отношений. К сожалению, особенно в том, что касается экстренных вопросов жизни и смерти, которые находятся в пределах нашей компетенции, длительный период "холодной войны" был сопряжен с регрессом, принес с собой представление о том, что достижения в сфере разоружения должны быть дарованы основными державами, а не быть результатом переговоров между всеми соответствующими сторонами.

Спустя два десятилетия после окончания этого периода те же самые старые державы и кое-какие новоявленные кандидаты пытаются возродить нисходящий подход. Например, бытует ожидание, что международное сообщество, включая общественность, с восторгом получит сверху урезанный договор, ограниченный нераспространенческими аспектами. А между тем Вулкановы кузницы будут то и дело нагромождать средства угнетения и уничтожения человечества.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла ди Маседу Суариса за его заявление. Уж он-то никогда не бывает занудным – его всегда отличает вдумчивость. Тут вот у нас есть запрос в отношении права на ответ, которое я дам в конце списка ораторов. У нас в списке есть 21 оратор, и для всех этих ораторов у нас есть в наличии чуть больше двух часов. Я прошу коллег быть внимательными, дабы сделать так, чтобы у каждого было время выступить. Прежде чем дать слово Турции, я бы сообщил, что дальше в списке фигурируют следующие пять стран: Соединенные Штаты Америки, Япония, Аргентина, Сирийская Арабская Республика и Нидерланды. А сейчас слово имеет Турция.

Г-н Демиралп (Турция) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, прежде чем начать выступление, позвольте мне поздравить посла Бразилии с хорошо составленным заявлением. Он вовсе не был зануден. И мы рассчитываем услышать в будущем больше таких вдумчивых речей.

Конференции хорошо известна позиция моей страны по контролю над вооружениями и разоружению, как она излагалась в прошлом по различным поводам. И в этом контексте сегодня мы поддерживаем заявление, сделанное послом Венгрии от имени Европейского союза. Однако я хотел бы высказать несколько дополнительных замечаний.

Во-первых, я хотел бы подчеркнуть, что политика Турции в сфере безопасности исключает производство и применение всех видов оружия массового уничтожения. Мы выступаем за глобальное общее разоружение и поддерживаем все усилия с прицелом на поддержание международной безопасности посредством многостороннего контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения. Турция является участницей всех международных нераспространенческих инструментов и режимов экспортного контроля и, не щадя сил, способствует их универсализации и эффективному осуществлению. Я должен подчеркнуть, что успех ядерно-разоруженческих и нераспространенческих усилий зависит от эффективного функционирования режима ДНЯО. Поистине, позитивные результаты обзорной Конференции 2010 года по ДНЯО следует претворять в жизнь посредством эффективной реализации.

Турция верит в необходимость учреждения зон, свободных от ядерного оружия, и придает важное значение предстоящей в следующем году конференции по Ближнему Востоку. Турция ценит все договорные соглашения по контролю над ядерными вооружениями и разоружению, будь то многосторонние или двусторонние. В этом контексте важным позитивным событием является новый Договор об СНВ. Важная роль отводится и Конференции по разоружению как единому многостороннему форуму переговоров. И поэтому Турция надеется, что Конференция будет активизирована, озабоченности всех государств-членов будут учтены, нынешний тупик будет тем самым преодолен и на основе консенсусной программы работы начнется серьезная работа по всем ключевым проблемам. На наш взгляд, значительным структурным блоком в процессе ядерного разоружения и нераспространения станет начало переговоров по договору о прекращении производства расщепляющегося материала. Чтобы обеспечить хороший старт переговоров, все государства, обладающие ядерным оружием, должны объявить и выдерживать мораторий на производство. В конце концов успешно разработанный ДЗПРМ установит количественный лимит на расщепляющийся материал, предназначенный для использования в ядерном оружии и других ядерных взрывных устройствах.

Вместе с тем Турция считает, что переговоры по ДЗПРМ должны носить всеобъемлющий и недискриминационный характер. И поэтому будущие переговоры должны включать и проблему запасов и эффективной проверки. Само собой разумеется, что в ходе переговоров на стол можно и нужно выкладывать все национальные озабоченности относительно возможного договора. Гибкий подход может позволить нам двигаться вперед, не тратя слишком много времени на модальности мандата. Такой подход, который не предвосхищал бы исход переговоров, мог бы также облегчить достижение консенсуса. ДЗПРМ является технически весьма сложной проблемой. В этом отношении мы с интересом выслушали заявление, сделанное послом Австралии. Такой интеллектуальный подход поможет нам лучше уяснить эту проблему, отложив в сторону политические раздоры.

Мы также рассчитываем на скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. И я искренне надеюсь, что эти два события поистине генерируют синергию и продвинут нас вперед по пути ядерного разоружения.

Г-н Рейд (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, мы ценим эту возможность обменяться мыслями и углубиться в важную тему договора о прекращении производства расщепляющегося материала со здешними коллегами на пленарном заседании Конференции по разоружению.

Однако сперва, с вашего позволения, я хотел бы поделиться с коллегами кое-какими важными событиями несколько иного свойства. Вчера президент Обама подписал ратификационную грамоту Соединенных Штатов в отношении нового Договора об СНВ. А в ближайшую субботу государственный секретарь Соединенных Штатов Америки г-жа Хиллари Родхем Клинтон встретится в Мюнхене со своим российским коллегой г-ном Сергеем Лавровым, и они обменяются ратификационными грамотами. С этим обменом мы официально начнем реализационный процесс по новому Договору об СНВ, и в частности начнем отсчет содержащихся в Договоре сроков на предмет обменов данными о стратегических силах, а также сроков на тот счет, чтобы мы начали принимать важные верификационные посещения на территории обоих партнеров по Договору.

Что касается Соединенных Штатов, то мы гордимся этим достижением. Оно носит двусторонний характер, но мы очень гордимся этим достижением, и мы также испытываем большую гордость и вновь подтверждаем свою приверженность в связи со всеми теми обязательствами, которые мы, Соединенные Штаты Америки, в двусторонней или многосторонней форме свободно приняли прошлой весной в контексте Плана действий обзорной Конференции 2010 года по ДНЯО. Мы как страна предпринимает много шагов с коллегами и на таких форумах, как этот, чтобы продвигать это вперед, и именно так мы и намерены заниматься многосторонним разоружением в предстоящие дни, недели, месяцы и годы. Ну и по счастливой случайности сегодня к нам присоединился директор нашего Управления госдепартамента по многосторонним и ядерным вопросам г-н Джефф Эберхардт, дабы затронуть насущные проблемы ДЗПРМ. Так что я без дальнейших промедлений передаю микрофон своему коллеге.

Г-н Эберхардт (директор Управления по многосторонним и ядерным вопросам, государственный департамент Соединенных Штатов Америки) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, позвольте мне лишь сказать вначале, что мне доставляет большое удовольствие вновь очутиться здесь, в этом зале, в компании столь многих старых и близких друзей. Я приветствую предоставленную нашей делегации и другим делегациям возможность затронуть насущную задачу, которая неоднократно поддерживалась международным сообществом, – проблему договора о прекращении производства расщепляющегося материала.

Как мне думается, мне нет нужды объяснять важность ДЗПРМ, но вот подкрепить этот тезис, быть может, имеет смысл. Такой договор устанавливал бы лимиты на наличное количество расщепляющегося материала для использования в ядерном оружии или других ядерных взрывных устройствах. Он достиг бы этого за счет запрета на дальнейшее производство расщепляющегося материала с даты своего вступления в силу. Такое ограничение служит нашим солидарным разоруженческим и нераспространенческим целям. Он уже давно признан в качестве существенного шага по пути к миру без ядерного оружия, и необходимость ДЗПРМ была подчеркнута многочисленными обзорными кон-

ференциями по ДНЯО – последний раз в мае 2010 года, и это было центральным тезисом пражской речи президента Обамы в апреле 2009 года.

Нам надо помнить о том, что ДЗПРМ является собой лишь один шаг на долгом пути, и он должен фокусироваться на главной цели – на прекращении будущего производства расщепляющегося материала для целей ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Речь идет о существенном и достижимом шаге – шаге, способствовать которому могут все государства, представленные в этом зале. Соединенные Штаты предпринимают много шагов на этом пути – как сами по себе, так и вместе с Россией и другими. И просто досадно и обидно, что мы оказываемся не в состоянии предпринять ключевой многосторонний шаг, чтобы лимитировать оружейные запасы. А ведь такой лимит нужен нам для того, чтобы обеспечить прочную основу для более глубоких ядерных сокращений и положить конец гонке ядерных вооружений, где бы и когда бы она ни происходила.

При формулировании наших позиций по существу договора нашей целью является недискриминационный договор, останавливающий производство расщепляющегося материала оружейного назначения, который поддавался бы международной проверке, мог бы быть согласован на переговорной основе и может быть реализован на практике. По широкому согласию, это должен быть договор о запрете производства расщепляющегося материала для использования в ядерном оружии и других ядерных взрывных устройствах. У нас, наверное, будут ключевые расхождения по деталям, но ведь сама цель переговоров как раз и состоит в проработке деталей.

До начала переговоров здесь, в Женеве, надо провести полезную работу, чтобы подготовить почву. Мы стремимся работать со всеми другими, чтобы провести содержательные дискуссии по техническим проблемам ДЗПРМ с целью продвинуть Конференцию по разоружению в русле переговоров. Наши эксперты готовы участвовать в этих дискуссиях либо на официальных пленарных заседаниях Конференции по разоружению, либо на заседаниях в кулуарах Конференции.

И даже если этот орган еще не готов начать официальные переговоры, большую ценность имеет углубленное обсуждение технических проблем, имеющих отношение к ДЗПРМ. В данный момент, например, имеются значительные расхождения по поводу того, как определить термин "расщепляющийся материал". Одни выступают за узкое определение оружейного плутония и урана, тогда как другие, и среди них Соединенные Штаты, выступают за определение, которое охватывало бы оружейно-пригодные формы плутония и урана и соответствовало определению МАГАТЭ в отношении "материала прямого использования"; но а третьи высказываются в пользу еще более расширительного определения. ДЗПРМ должен также признавать, что у расщепляющихся материалов имеются легитимные виды гражданского и военного использования, кроме ядерного оружия или ядерных взрывных устройств.

Но на этом технические проблемы не заканчиваются. Определение "расщепляющегося материала" тесно связано с определением "производства". Процессами, которые обеспечивают производство материалов, пригодных для использования в оружии, являются преимущественно изотопное разделение урана, или обогащение, и химическое выделение плутония из облученного ядерного материала, или переработка. При этом мы должны быть уверены, что в определении "производства" мы не действуем ни столь ограничительно, что оставляем открытой возможность обхода фундаментальной цели ДЗПРМ, ни в то же время столь расширительно, что ограничиваем деятельность, не имеющую к

ДЗПРМ никакого отношения. Например, определение термина "производство", которое охватывало бы отработанное топливо, было бы сопряжено со значительным приростом стоимости проверки по договору без существенного прироста ее эффективности.

Определение "расщепляющегося материала" и того, что означает производство такого материала, подводит нас к третьей фундаментальной проблеме – проблеме определения понятия "производственный объект". Проверка по ДЗПРМ будет фокусироваться на таких объектах, и поэтому договор потребует определения, включающего объекты, которые производят или явно способны производить расщепляющийся материал. Хотя разрешение таких проблем уместно оставляется для переговоров, сейчас было бы своевременным провести обсуждение этой широкой сферы.

Вот лишь несколько проблем, которыми нам придется заниматься при конструировании ДЗПРМ. А ведь гораздо больше тех, что я не перечислил. Мы будем не в состоянии охватить все аспекты ДЗПРМ в рамках одного заседания Конференции по разоружению, да и в течение года. Однако с чего-то же нам надо начать, и нам следует тщательно посмотреть, с какой проблемы начать. Даже наименее спорные проблемы потребуют времени, чтобы рассмотреть их в полном объеме, и нам не следует форсировать свою работу за счет искусственного графика.

Углубленное обсуждение технических проблем может помочь заложить фундамент под будущие переговоры. Как я констатирую, прежде чем взяли старт официальные переговоры по ДВЗЯИ, много лет проходили дискуссии экспертов по проблемам, имеющим отношение к запрету на испытания. Такие дискуссии имели кардинальное значение для эвентуального успеха этих переговоров. Как я понимаю, ответы, связанные с Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия (КХО), изыскивались за много лет до того, как появился официальный переговорный мандат. Я не имею в виду, что Соединенные Штаты будут довольствоваться многолетними техническими дискуссиями в качестве субститута для официальных переговоров: мы не усматриваем никакой предметной препоны к началу переговоров прямо сейчас. Существующие препятствия носят политический характер. Но пока не удастся преодолеть эти препятствия, мы, однако, усматриваем немалую ценность в том, чтобы до начала официальных переговоров включиться в технические дискуссии.

Как все мы знаем, переговоры по ДЗПРМ будут долгим и трудным процессом. И по мере того как мы стремимся начать такой процесс, нам следует использовать всякую возможность, чтобы подготовиться. Более того, пожалуй, даже возможно, что включение в технические дискуссии здесь, на Конференции по разоружению, может дать такой эффект, когда это убедит тех, кто страшится переговоров, что им, в сущности, есть мало чего бояться. Во всяком случае, по ДЗПРМ нам надлежит выполнить существенное домашнее задание.

Соединенные Штаты готовы в полной мере включиться в работу по подготовке почвы для переговоров по ДЗПРМ, подкрепив свою делегацию экспертами из Вашингтона, дабы придать дискуссиям здесь, в Женеве, большую глубину. Мы рады, что сегодня здесь к нам присоединились и коллеги из других столиц. И мы рассчитываем на взаимодействие со всеми вами в предстоящие недели и месяцы.

Г-н Суда (Япония) (*говорит по-английски*): В прошлый вторник я внимательно и с большим интересом выслушал значительные заявления многих коллег по теме ядерного разоружения. Я нашел, что, несмотря на расхождения в подходе и озабоченности по поводу национальной и региональной безопасности, все выступавшие делегаты разделяют общую цель полной ликвидации ядерного оружия.

Япония также на протяжении ряда десятилетий твердо призывает к полной ликвидации ядерного оружия. Мы готовы принимать участие в дискуссиях с прицелом на более отдаленную перспективу на тот счет, как должна выглядеть в будущем, на заключительном этапе ядерного разоружения, многосторонняя структура ядерного разоружения, или конвенция по ядерному оружию.

Между тем, как согласен каждый, полная ликвидация не может быть достигнута в одночасье или за счет единичной конвенции. Это требует кумулятивного процесса практических и конкретных мер. И в этом отношении очевидно, что, как указывает преамбула ДНЯО, самым экстренным шагом в этом процессе является прекращение изготовления ядерного оружия. Я не могу себе представить, как после ДВЗЯИ, не запретив сперва производство расщепляющегося материала для ядерного оружия, можно избрать какой-то иной путь к миру, свободному от ядерного оружия.

Проблема ДЗПРМ достигла степени достаточной зрелости для того, чтобы мы начали официальные переговоры. Тем не менее моя делегация рада принять активное участие в дискуссиях по ДЗПРМ на пленарных заседаниях без ущерба для нашей национальной позиции в рамках собственно переговоров. И вот сейчас я и хотел бы осветить кое-какие наши мысли относительно крупных проблем ДЗПРМ. Но чтобы сэкономить время, я попытаюсь сократить свое заявление и прошу вас обратиться к распространенному тексту на предмет моего полного заявления.

Во-первых, что касается ключевых обязательств, то самая важная проблема состоит в том, чтобы идентифицировать ключевые обязательства по ДЗПРМ: что запрещено, а что нет. Нет нужды говорить, что первым ключевым обязательством является запрещение производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств с даты вступления ДЗПРМ в силу.

Как логическое следствие запрета на "будущее производство" вступление ДЗПРМ в силу обязывало бы государства, обладающие объектами по производству расщепляющегося материала ядерно-оружейного назначения, закрыть такие объекты или вывести их из эксплуатации или же перепрофилировать на цели, не связанные с ядерно-оружейным назначением. "Возврат" закрытых или выведенных из эксплуатации объектов на производство расщепляющегося материала ядерно-оружейного назначения должен быть поставлен под запрет, ибо такой "возврат" означал бы ни больше ни меньше фактическое "производство".

Есть и еще кое-какие запрещения, которые моя делегация считает необходимыми, чтобы обеспечить как минимум неувеличение расщепляющихся материалов, имеющихся во владении государства в оружейных целях. Аналогичным образом должен быть поставлен под запрет "возврат" расщепляющегося материала, который государства добровольно объявили в качестве избыточного для нужд национальной безопасности. Кроме того, запрету должно подлежать "перенаправление" после вступления ДЗПРМ в силу существующих и будущих запасов, предназначенных для целей, не связанных с ядерным оружием, на

ядерно-оружейные цели, поскольку такое "перенаправление" будет в значительной мере равноценно "производству".

Предметом запрета по ДЗПРМ должно стать получение расщепляющегося материала ядерно-оружейного назначения от другого государства, поскольку такая "передача" по своему эффекту тоже была бы эквивалентна "производству". ДЗПРМ должен также запрещать содействие другому государству в его производстве расщепляющегося материала для ядерного оружия.

Более того, с учетом нынешней важности укрепления ядерной безопасности, быть может, стоило бы посмотреть и возможность реализации не только запрета на производство, но и обязательств в отношении государственного учета и контроля и физической защиты, а также запрета на передачу запасов расщепляющегося материала для целей ядерного оружия.

Далее я хотел бы коснуться проблемы определений. С учетом замысла и цели ДЗПРМ основополагающий подход Японии к определениям состоит в том, что те должны быть как можно более широкими и в то же время не должны неблагоприятно сказываться на мирном использовании ядерной энергии.

В этом ракурсе Япония полагает, что для ДЗПРМ больше всего подходит критерий общей цели. Этот подход вы можете найти и в других разоруженческих договорах, таких как Конвенция по химическому оружию и Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Он запрещал бы производство любого расщепляющегося материала с целью использования в ядерном оружии или других ядерных взрывных устройствах. Двойственная природа расщепляющегося материала, как и в случае других разоруженческих договоров, делает этот подход значимым для ДЗПРМ. Если нужно более четкое определение, то мы полагаем, что основу для такого определения могло бы заложить определение специального расщепляющегося материала в статье XX Устава МАГАТЭ.

Кто-то может возразить, что если мы примем слишком широкое определение расщепляющихся материалов, сопряженное с запрещением их производства в оружейных целях, то мы столкнемся с практическими трудностями при проведении проверки. Мы понимаем логику этих доводов, но мы полагаем, что предметом дискуссии должен стать охват "расщепляющегося материала" с точки зрения верификации, а не в соотношении с верификационными проблемами.

Что касается проверки, то тут есть много разных подходов к проверке такого ключевого обязательства по ДЗПРМ, каким является "запрет на производство расщепляющегося материала для ядерного оружия или ядерных взрывных устройств". Мы полагаем, что проверку в связи с ключевыми обязательствами по ДЗПРМ можно проводить четырьмя следующими способами: подтверждение того, что с даты вступления ДЗПРМ в силу не увеличилось количество запаса расщепляющегося материала для ядерного оружия или ядерных взрывных устройств; подтверждение того, что реакторы и объекты по производству расщепляющегося материала для ядерного оружия или ядерных взрывных устройств, которые были закрыты, выведены из эксплуатации или перепрофилированы на цели, не связанные с ядерно-оружейным назначением, остаются в этом состоянии; подтверждение того, что расщепляющийся материал, который был добровольно объявлен избыточным в результате ядерного разоружения, не возвращается на ядерно-оружейные цели; подтверждение того, что расщепляющийся материал, не предназначенный для целей ядерного оружия, не перенаправлен на ядерно-оружейные цели. Что касается проверки, то на этом я и ос-

тановлюсь, дабы не вдаваться в подробности аргументации в отношении этих четырех методов проверки.

Что касается запасов, то эта проблема зачастую затушевывается общим вопросом о том, включать ли в сферу охвата ДЗПРМ существующие запасы. Мы склонны предложить обсуждать эту проблему исходя из того, что означает по ДЗПРМ вопрос о "существующих запасах" и о "включении в сферу охвата".

Мы бы предложили ввести три разные категории запасов: запасы для целей ядерного оружия; запасы невзрывного назначения, а именно обычного военного предназначения; запасы, объявленные как избыточные по отношению к военным потребностям.

Во-первых, нам надо выждать, пока дискуссии не выльются в конвергенцию относительно того, включать ли будущее обязательство по сокращению/ликвидации в случае запасов первой категории. Между тем следует уж по крайней мере запретить передачу третьей стране. Кроме того, стоило бы изучить вопрос о добавлении строгих обязательств в отношении государственного учета и контроля, мер транспарентности, таких как добровольные объявления, и обязательств в отношении физической защиты в перспективе укрепления ядерной безопасности.

Далее, в связи с запасами невзрывного назначения будет необходимо, по крайней мере, включить запрещение перенаправления на ядерно-оружейные цели и запрещение передачи третьей стране.

Наконец, следует запретить "возврат" запасов, объявленных избыточными для оборонных целей, иными словами, их перенаправление на ядерно-оружейные цели. Вдобавок применительно к запасам, объявленным как избыточные, можно было бы подумать о том, чтобы вменить в обязанность подчинить их проверке и сократить и ликвидировать такие запасы в будущем.

В последние несколько лет мы то и дело дискутируем эти проблемы ДЗПРМ. И уже бы пора начать переговоры. В то же время, однако, уже давно назрела потребность в технических и научных анализах. И в этом отношении Япония рассчитывает обсудить эти проблемы на пленарных заседаниях, а также углубленно рассмотреть их в рамках параллельного технического мероприятия с участием экспертов.

Г-н Пелаэс (Аргентина) (*говорит по-испански*): Г-н Председатель, как и на прошлом пленарном заседании, моя делегация с интересом воспринимает продолжение мероприятия, в связи с которым вы предложили нам сосредоточиться на отдельных пунктах повестки дня.

В данном случае как по пункту 1, так и по пункту 2 мне хотелось бы затронуть вопрос о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Не вдаваясь в те преимущества, с которыми было бы сопряжено для работы Конференции начало переговоров по такого рода инструменту, что нашло отражение в наших текущих дискуссиях по программе работы, я хотел бы сосредоточиться на предметных аспектах эвентуальных переговоров. В последние годы мы обогащали свои обмены в рамках значительной серии неофициальных заседаний Конференции по разоружению. Мы располагаем докладами разных координаторов, которые выступают в качестве чрезвычайно полезного ориентира для идентификации соответствующих аспектов будущего договора.

В этом отношении позвольте мне высказать следующие соображения. Во-первых, в связи с вопросом о целях и задачах, как понимает моя делегация, ДЗПРМ должен быть инструментом предотвращения ядерного распространения, равно как и инструментом, который способствовал бы всеобщему и полному разоружению. Во-вторых, что касается определений, то мы согласны с теми позициями, которые гласят, что определение расщепляющегося материала должно принимать в расчет предложения МАГАТЭ в рамках гарантийных соглашений в случае материала прямого использования, такого как высокообогащенный уран и плутоний. Можно было бы, однако, обследовать и своего рода специальные постановления применительно к другим материалам, которые, не будучи материалами прямого использования, могут быть использованы при производстве ядерного оружия. Непосредственно в связи с вышеизложенным мы считаем непреложным, чтобы сфера применения этого инструмента четко и недвусмысленно исключала виды деятельности и ядерные материалы топливного цикла мирного назначения. Другими словами, надлежит защищать неотъемлемое право стран на мирное развитие ядерной энергетики, включая производство высокообогащенного урана.

В-третьих, в ходе дебатов прошлых лет был определен наименьший общий знаменатель в том смысле, что договор должен запрещать будущее производство. И с учетом этой отправной точки не следует априорно ограничивать потенциал договора путем изъятия материалов, установок или процессов, которые могли бы стать предметом договора по отдельным обязательствам и с прицелом на разные цели и степени проверки. Мы отмечаем политическую чувствительность вопроса о запасах, но следует признать, что наличие материала прямого использования в неведомых количествах и в неведомых местах, не сопряженных с проверкой, вносит в будущий договор элемент неопределенности.

В-четвертых, Аргентина по-прежнему считает, что всякий инструмент в сфере разоружения и нераспространения, чтобы быть эффективным, требует наличия убедительного механизма проверки. В случае ДЗПРМ он должен быть сконструирован на основе принципов недискриминации и необратимости. И поэтому вызов состоит в разработке такой системы проверки, которая выдерживала бы надлежащий баланс между таким ограничением и тем, что считают убедительным государства, например режим запасов на предмет мониторинга изменений.

Нам надлежит принимать в расчет вклады МАГАТЭ по этому вопросу, которые могли бы облегчить наши дебаты. Моя делегация по-прежнему придерживается логики сфокусированного подхода к поиску баланса между приемлемой проверкой и неоправданно дорогостоящими механизмами, которые возлагали бы чрезмерное бремя на государства.

Стоит отметить, например, технический и институциональный опыт,обретенный МАГАТЭ в сфере проверки, например в рамках трехсторонней инициативы, который будет весьма полезен при анализе и согласовании возможных схем проверки для ДЗПРМ.

Наконец, хотя это и получило признание в качестве необходимого элемента, было бы нелишне подтвердить нашу позицию о том, что всякий верификационный механизм не должен создавать новых обязательств для государств – участников ДНЯО, не обладающих ядерным оружием, кроме тех, что уже фигурируют в существующих верификационных механизмах, заключенных с МАГАТЭ.

Г-н Хаббаз Хамуи (Сирийская Арабская Республика) (*говорит по-арабски*): Г-н Председатель, я в свою очередь надеюсь, что вы позволите мне, прежде чем сделать свое заявление, приветствовать превосходное и прагматичное заявление, которое мы услышали совсем недавно от уважаемого посла Бразилии.

Конференция по разоружению начинает работу в этом году под вашим председательством. И все мы убеждены, что, благодаря вашим усилиям, равно как и усилиям председателей Конференции в 2011 году, Конференция окажется в состоянии достичь ощутимого прогресса в своей работе. Несмотря на критику, оговорки и инсинуации, все больше возрастает убежденность в важности Конференции. Вместе с тем успех данной Конференции, как было упомянуто многими представителями, зависит от наличия в определенных крупных столицах искренней доброй воли и от истинного желания добиться прогресса, равно как и от наличия четкой политической воли. Я хотел бы подчеркнуть, что искренняя добрая воля является одним из насущных элементов, который позволяет Конференции двигаться вперед. Превосходным примером того, как взаимное уважение и понимание проблем, с которыми сталкиваются все стороны, может дать позитивный результат, является наше консенсусное принятие в мае 2009 года решения CD/1864, которое было составлено послом Алжира Идрисом Джазайри. И совсем иначе обстоит дело, когда имеет место нажим на других или игнорирование их прав и интересов.

Никто на данной Конференции не может отрицать важность переговоров по одной из ключевых проблем Конференции, а именно по договору о запрещении производства расщепляющегося материала (ДЗПРМ). Но странно и тревожно звучит вот какой вопрос: почему акцент делается на этом соглашении и почему игнорируются три другие ключевые проблемы, которые столь же важны, как и ДЗПРМ? Более того, некоторые из них, быть может, имеют даже более важное значение. Как же могут проходить переговоры по ДЗПРМ, в то время как игнорируется его второй важный ключевой компонент, а именно ликвидация запасов, когда это установлено в статье VI Договора о нераспространении (ДНЯО)?

У нас в регионе, который квалифицируется в мире как горячая точка, одно государство неуклонно развивает свой ядерный арсенал и производит многочисленные компоненты смертоносных ядерных вооружений, и прежде всего расщепляющийся материал, – вне всякого контроля, проверки или инспекций со стороны Международного агентства по атомной энергии. И происходит так потому, что это государство отказывается присоединиться к ДНЯО. Как же страны региона и страны мира могут принимать такую странную ситуацию и начинать переговоры по ДЗПРМ в таких обстоятельствах и в то время, когда это государство угрожает своим соседям и напрочь пренебрегает принципами международной легитимности? Разумно ли, чтобы страны региона и мира принимали эту ненормальную ситуацию, когда есть желание навязать им такую ситуацию и когда такая ситуация не дает указаний на тот счет, что это ядерное государство должно ликвидировать свои арсеналы и позволить международным органам инспектировать деятельность на его ядерных объектах и площадках?

Мы напоминаем о заявлении Группы 21, которое было сделано ее координатором в феврале 2010 года и в котором Группа выразила убежденность, что ядерное разоружение и ядерное нераспространение являются двумя взаимосвязанными процессами одинаковой важности. В нем указано, что надо начать переговоры по ядерному разоружению и надо урегулировать другие ключевые проблемы и что понимания, которые всплывут из этих переговоров, должны

быть приемлемы для всех и должны принимать во внимание заботы всех сторон по поводу национальной, региональной и глобальной безопасности.

Бесспорно, что переговоры по ДЗПРМ, при которых будут уважаться правила процедуры и которые будут основываться на двух комплексных критериях, а именно на эффективной проверке и ликвидации запасов, станут шагом вперед. Однако было бы предпочтительнее, если бы такие переговоры шли бок о бок с серьезными усилиями в плане переговоров по другим проблемам, включая ядерное разоружение, негативные гарантии безопасности и предотвращение милитаризации космического пространства. Кроме того, переговоры по ДЗПРМ будут носить благотворный и эффективный характер, если они будут рассматриваться в качестве составной части процесса ядерного разоружения.

Наконец, сирийская делегация будет демонстрировать свою открытость и отзывчивость и будет сотрудничать с вами, г-н Председатель, и с будущими председателями в надежде на то, что в нашей работе восторжествует атмосфера понимания интересов и забот всех сторон, и в то же время будет работать над тем, чтобы рассеять атмосферу, в которой могли бы восторжествовать критиканство, неуступчивость и попреки.

Г-н ван ден Эйссел (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, позвольте мне вначале выразить вам нашу благодарность и поблагодарить вас и вашу бригаду за превосходное руководство. Вы можете рассчитывать на нашу полную поддержку в оставшийся период вашего председательства. Позвольте мне сразу же сказать, что я полностью солидаризируюсь с заявлением, сделанным от имени Европейского союза, и мы хотели бы добавить кое-какие замечания в нашем национальном ракурсе.

Верить в прогресс многосторонности, как нередко говорят, это значит быть свидетелем отхода назад на 999 шагов, но продолжать надеяться, что шаг 1 000-й станет шагом вперед. И вот что касается этих переговоров, то мы не теряем надежды, что такой 1 000-й шаг все-таки грядет.

Я хотел бы поблагодарить вас за эту возможность пообсудить на тему договора о запрещении производства расщепляющегося материала (ДЗПРМ) в ходе пленарного заседания Конференции по разоружению. Как много раз ясно заявляла в прошлом моя делегация, Нидерланды отводят абсолютный приоритет скорейшему началу и завершению переговоров по проверяемому ДЗПРМ. Мы убеждены, что ДЗПРМ послужил бы интересам безопасности всех членов Конференции по разоружению и международному сообществу в целом как в ракурсе ядерного разоружения, так и в плане поощрения ядерного нераспространения. Как заявил на прошлой неделе и повторил сегодня мой японский коллега, я не могу представить себе путь к миру, свободному от ядерного оружия, не запретив сперва производство расщепляющегося материала ядерно-оружейного назначения.

Нидерланды всегда выступали за поэтапный подход как наилучший способ достижения ядерного разоружения. Переговоры по ДЗПРМ представляли бы собой следующий логический шаг для Конференции по разоружению, если она всерьез воспринимает свою работу по ядерному разоружению. Мы рассматриваем ДЗПРМ как существенный устой в дополнение к существующему договорному ядерному режиму. На наш взгляд, вовсе не убедителен и не реалистичен подход по принципу "либо все, либо ничего", за который ратуют некоторые государства и по которому все внимание следует сосредоточить на договоре, запрещающем применение ядерного оружия и обладание таким оружием, а промежуточные шаги просто-напросто игнорируются.

Мы не видим причин для того, чтобы еще больше оттягивать начало этих переговоров. Эта тема лежит на столе переговоров в международной сфере на протяжении по крайней мере 20 лет. Для ДЗПРМ уже подготовлен немалый задел. Мы годами и официально, и неофициально дискутируем эту тему на Конференции по разоружению. Кроме того, немалая работа была проделана и вне Конференции, и это очень хорошо задокументировано. В качестве одного из примеров можно привести детальную работу Международной группы экспертов по расщепляющимся материалам (МГРМ).

В этом контексте я хотел бы сослаться на документ CD/1878. Этим документом Нидерланды вместе с Японией и Канадой представили на рассмотрение Конференции по разоружению проект ДЗПРМ с постатейными разъяснениями. И хотя этот проект не отражает нашу национальную позицию во всей ее полноте, он содержит много полезных элементов. Прделана немалая работа; в наличии имеется немало информации. Вместе с тем я согласен с моим австралийским коллегой, что все мы все же могли бы выиграть от изучения технических аспектов некоторых из соответствующих проблем, касающихся ДЗПРМ.

Если обратиться к содержанию ДЗПРМ, то, как было вновь проиллюстрировано в ходе совещания высокого уровня в Нью-Йорке в прошлом сентябре, имеется широкий международный консенсус относительно необходимости поставить заслон производству расщепляющегося материала. Для Нидерландов хорошей отправной точкой для наших переговоров все еще является гибкий мандат Шеннона. Мы настроены гибко насчет того, что касается включения в будущие переговоры уже существующих запасов оружейного расщепляющегося материала. Мандат Шеннона закладывает достаточную основу для обсуждения этой проблемы в контексте переговоров. В качестве варианта мог бы выступать также гибкий, или поэтапный, подход, как было предложено Бразилией в прошлом году. Будущий ДЗПРМ должен быть нацелен на максимум транспарентности и проверяемости. Свою роль в этом отношении могла бы играть МАГАТЭ и система гарантий МАГАТЭ. Договор, на наш взгляд, должен включать помимо запрета на производство и запрет на передачи, приобретение и на соответствующую деятельность в порядке содействия.

Ясно, что у нас могут быть разные взгляды на то, как должен выглядеть ДЗПРМ в его окончательном варианте. В этом отношении ДЗПРМ не отличается от многих других международных инструментов, включая и те, по которым в этом зале были успешно проведены переговоры. Вместе с тем, как и в случае других переговоров по договору, в ходе переговоров все государства будут иметь возможность отстаивать свои национальные интересы, ибо в конце процесса все отдельные государства должны будут принять решение, могут ли они или не могут поддержать результат.

Как мне припоминается (и я надеюсь, что моя память служит мне неплохо, ну а в противном случае я прошу извинения у моего китайского коллеги), только что прибыв сюда, на Конференцию по разоружению, еще новичком, будучи еще впечатлен здешней превосходной компанией и после длительной дискуссии о переговорах по ДЗПРМ, наш уважаемый китайский коллега сказал, цитируя, кажется, девиз фирмы "Nike": "Так давайте же просто сделаем это". Почти полтора года спустя ничего так и не произошло, но я до сих пор слышу эти слова, и они до сих пор мне нравятся. Так давайте же просто сделаем это! Мы к этому готовы, г-н Председатель.

Г-н Гартсхор (Канада) (*говорит по-французски*): Как, вероятно, знаете все вы здесь в зале, Канада придает большое значение открытию переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядер-

ного оружия. В 1995 году бывший посол Канады Джерри Шеннон возглавлял процесс консультаций, которые привели к согласию среди членов Конференции по разоружению относительно переговорного мандата, который и по сей день пользуется широкой поддержкой. Не так давно в Первом комитете Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций Канада направляла процесс принятия резолюции по договору о запрещении производства расщепляющегося материала, – резолюции, которая стала предметом консенсуса в 2009 году. И хотя в 2010 году консенсус, к сожалению, не был достигнут, по-прежнему очевидно, что проведение переговоров по ДЗПРМ поддерживает значительное большинство государств – членов Организации Объединенных Наций и Конференции по разоружению.

Канада по-прежнему твердо привержена переговорам по этому договору, как они предусмотрены мандатом Шеннона, описанным в CD/1299, согласно которому условия, касающиеся всякого договора о запрещении производства расщепляющегося материала, должны быть улажены в рамках самих переговоров. Хотя Канада имеет особенные мнения по многим из этих пунктов, только начав переговоры, мы можем продемонстрировать бóльшую конкретику по трудным политическим и техническим вызовам. Этот процесс, очевидно, потребовал бы много времени и дискуссий на этой Конференции. Но если мы хотим положить конец непрестанному вертикальному и горизонтальному распространению ядерного оружия, то начать нам надо прямо сейчас.

В последние годы Канада четко указывала свои изначальные позиции по многим рубрикам договора о расщепляющемся материале, которые надо было бы принимать в расчет в ходе переговоров, и в том числе по трем взаимосвязанным компонентам, а именно: сфера охвата договора; определения, которые он включал бы; и проверка его применения. Я хотел бы кратко представить определенные мнения Канады по каждому из этих трех элементов. Разумеется, эти общие мнения станут предметом рассмотрения и будут уточняться, когда наконец начнутся переговоры по договору.

Определение надлежащей сферы охвата договора неразрывно связано с его эффективностью, ибо она позволит определить элементы, которые тот будет охватывать, а тем самым и объекты, которые должны подлежать проверке и инспекциям. При определении сферы охвата договора надлежит также затронуть вопрос об использовании расщепляющегося материала в других целях, кроме производства оружия.

Кроме того, сложным и спорным остается вопрос о существующих запасах расщепляющегося материала. Канада представила, в документах CD/1578 за март 1999 года и CD/1770 за май 2006 года, предложения, в которых она попыталась определить этапы подхода с целью подступить к проблеме, какую представляют собой запасы расщепляющегося материала, за счет мер транспарентности, объявлений и ликвидационных методов.

(продолжает по-английски)

Памятуя о времени, я сокращу свои замечания, но полный текст, как я полагаю, был распространен. И теперь я перехожу к вопросу об определениях.

Определение "расщепляющегося материала" и "производства" будет зависеть от решений в отношении положений ДЗПРМ по сфере охвата и проверке. Любое определение материала, используемое в ДЗПРМ, должно быть достаточно широким, чтобы по его положениям охватывались все расщепляющиеся материалы, имеющие отношение к оружейным целям сейчас или в будущем. Канада выступает за принятие в ДЗПРМ, где уместно, соответствующей терми-

нологии МАГАТЭ. Например, МАГАТЭ определяет "необлученный материал прямого использования" как ядерный материал, который может быть использован для производства ядерных взрывных устройств без трансмутации или дальнейшего обогащения. Эти определения фигурируют в ряде документов в связи с ДЗПРМ, и в том числе в австралийском рабочем документе (CD/1775), проекте Соединенных Штатов Америки по тексту договора (CD/1777) и проекте текста договора Международной группы по расщепляющемуся материалу (МГРМ) (CD/1878).

Что касается проверки, то общие параметры на предмет структуры проверки и соблюдения включают пять широких элементов: первоначальное объявление; оценка объявления; непрерывный мониторинг и процесс оценки; заключение исходя из результатов этого процесса проверки; и наконец, средства урегулирования несоблюдения.

Как было изложено Канадой в документе CD/1819, гарантийная модель МАГАТЭ, которая включает соглашение о всеобъемлющих гарантиях и дополнительный протокол, демонстрирует, что проверка незаявленного использования ядерного материала возможна в государствах – участниках ДНЯО, не обладающих ядерным оружием. По усиленному гарантийному режиму МАГАТЭ наращивает свой потенциал с целью предоставить убедительные гарантии отсутствия незаявленных ядерных материалов и видов деятельности.

Ну и наконец, предстоящий нам вызов будет нелегко принять, но благодаря изобретательности и политической воле мы наверняка окажемся в состоянии найти общую почву для этого критического следующего шага. Как сказала наша делегация во вторник на этой неделе и как она будет трактовать это и впредь, Канада твердо верит, что переговоры по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия являются следующим практическим шагом к тому, чтобы окончательно положить конец гонке ядерных вооружений и создать необходимые условия для достижения мира, свободного от ядерного оружия.

Г-н Джазайри (Алжир) (*говорит по-французски*): В прошедшие годы нередко вставала проблема: как заполнить сессии Конференции по разоружению. И вот сегодня утром вы впервые сказали нам, что надо постараться сократить свои выступления, потому что нам может не хватить времени. Я рассматриваю эту эволюцию как счастливое предзнаменование. На все воля Божья.

Согласно вашему предложению, сегодня моя делегация затронет вопрос о расщепляющемся материале для производства ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

Должен сказать, что, как и делегация Турции, моя делегация вдохновлена мудростью и глубиной слов, сказанных сегодня утром послом Бразилии г-ном ди Маседу Суарисом, и я благодарю его за это.

Алжир выступает за открытие переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств в соответствии с докладом Шеннона (документ CD/1299) и содержащимся в нем мандатом. Мы хотим завязать эти переговоры в рамках решения CD/1864 или любой консенсусной инициативы, укладываемой в ту же логику, в перспективе достижения со временем переговоров по ядерному разоружению, которые остаются – и я хочу подчеркнуть это, как и посол Суарис, – первостепенным приоритетом Конференции. Я хочу поблагодарить в этом контексте посла Сирии г-на Фейсала Хаббаза Хамуи за его похвальные слова.

Доклад Шеннона воспроизводит согласие, достигнутое в порядке применения резолюции 48/75 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций по тому же вопросу. Он дает критерии на предмет переговоров и элементы такого договора. Тот носил бы недискриминационный, многосторонний и международно и эффективно проверяемый характер.

В этом отношении я хотел бы затронуть следующие элементы: цель, сфера охвата и проверка по этому инструменту.

Искомый договор должен позволить нам установить юридически связывающую недискриминационную норму, вменяемую всем государствам. Эта норма рассчитана на запрещение производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных. Договор должен также запрещать перенаправление гражданских расщепляющихся материалов на использование в запрещенных целях или перенаправление материалов, извлекаемых в рамках мер по сокращению ядерных арсеналов.

Если обратиться теперь к сфере охвата договора, то мы считаем, что в качестве расщепляющихся материалов, являющихся предметом запрещения, должны выступать все материалы, которые могут быть использованы в запрещенных целях. Вместе с тем из сферы его применения должны быть изъяты расщепляющиеся материалы, призванные служить мирным целям в качестве ядерного топлива или горючего для корабельных двигательных установок.

Кроме того, по мнению моей страны, искомый договор должен отвечать целям как ядерного разоружения, так и нераспространения. Как подчеркивается Группой 21 в документе CD/1549, договор должен идти в русле процесса, венчающегося полной ликвидацией ядерного оружия. И я разделяю тут позицию, выраженную послом Сирии г-ном Хамуи на этот счет. Заключение этого инструмента является одной из мер, принятых консенсусом в ходе обзорных конференций по ДНЯО 1995 и 2000 годов с целью реализации статьи VI ДНЯО касательно ядерного разоружения. И действительно, в рамках переговоров по этому инструменту мы не должны довольствоваться запретом будущего производства. Тут важно заняться и вопросом о существующих запасах, как это позволяет доклад Шеннона.

Урегулирование этого вопроса должно было бы также отвечать требованиям транспарентности с учетом того, что это должно позволять осведомляться о существующих запасах и тем самым обеспечивать соблюдение принятых обязательств.

Чтобы быть убедительным, договор должен сочетаться с эффективным верификационным режимом. А для этого он должен позволять производить своевременное обнаружение всякого нарушения или всякого перенаправления расщепляющегося материала на запрещенные цели.

Мы не могли бы ограничить сферу верификационного режима только военными объектами. Быть может, это и амбициозно, и сложно, но мы ратуем за более широкий подход, позволяющий откликнуться на цели договора, как мы это понимаем. Он должен быть обеспечен гарантийным режимом, применимым ко всем материалам, видам деятельности и ядерным установкам, будь то гражданские или военные.

Цель этого инструмента идентична цели ДНЯО. И соответственно нам представляется, что режим проверки по договору должен вдохновляться положениями ДНЯО, гарантийными соглашениями, которые из него вытекают, и определениями расщепляющегося материала, которые фигурируют в статье XX

Устава МАГАТЭ. В этом контексте мы хотим подчеркнуть полезность аргументации, развернутой сегодня утром на этот счет послом Японии.

Эффективность и действенность верификационного режима также требуют достаточной транспарентности в отношении производства расщепляющегося материала и в отношении запасов. В этом контексте необходимо установить инвентарные составы военного или гражданского расщепляющегося материала, включая материалы, извлекаемые из ядерных вооружений, охватываемых двусторонними договорами и односторонними мерами по сокращению ядерных арсеналов. В качестве настоятельной необходимости выступает обеспечение соблюдения и необратимости принятых обязательств.

Что касается органа, которому будет поручена проверка осуществления договора, то на данном этапе пока еще преждевременно высказываться на этот счет. Но мы полагаем, что в силу своего мандата, своего опыта и своей квалификации важную роль тут могло бы играть Международное агентство по атомной энергии.

Несмотря на неспособность Конференции по разоружению принять свою программу работы, тут отмечается единодушие насчет проверки по договору и бытует интеллектуальное течение, которое в значительной мере благосклонно настроено на то, чтобы принимать в расчет проблематику запасов, что, на наш взгляд, является прелюдией к позитивной эволюции, а то и конвергенции умонастроений.

(продолжает по-английски)

Из того, что мы слышали сегодня утром, мы знаем, что кое-какие участники этого заседания все еще цепляются за идею того, чтобы надеть на голову такого монстра, как запасы расщепляющегося материала, некий балахон, дабы держать того в узде. Многие из нас, однако, полагают, что вам не сдержать монстра, если вы только и сделаете, что наденете на него балахон. Мы, африканцы, не советовали бы вам надеть в порядке самозащиты балахон на голову льва. Если кто-то всерьез настроен насчет ядерной безопасности, то надо урезать габариты монстра.

(продолжает по-французски)

Если вы хотите придать практический смысл принципу необратимости в сфере разоружения, то договор должен быть заключен на неопределенный срок.

Заключение такого договора не является самоцелью. Оно представляет собой меру, способную укрепить мир и безопасность. В сочетании с Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, скорейшего вступления которого в силу мы желаем, такое заключение позволило бы укрепить режим ядерного нераспространения. Договор положил бы конец совершенствованию ядерного оружия и поощрял ядерное разоружение. Это стало бы также способом застраховаться от угрозы ядерного терроризма. Наконец, такой договор был бы способен содействовать уменьшению страхов, порождаемых проблематикой топливного цикла и обогащения урана в мирных целях.

Прогресс на переговорах по этому договору должен также позволить произвести одновременно переход на стадию переговоров о многосторонних инструментах по другим ключевым вопросам, таким как ядерное разоружение, негативные гарантии безопасности и предотвращение гонки вооружений в космосе.

Наконец, Конференция остается надлежащей структурой для переговоров по договору. Мы разделяем в этом отношении позицию, выраженную нашим уважаемым коллегой послом Российской Федерации г-ном Лощининым на пленарном заседании 1 февраля, о том, что обращение к параллельным структурам для обсуждения этого вопроса было бы контрпродуктивным.

Г-жа Аранго Олмос (Колумбия) (*говорит по-испански*): С изобретения атомной бомбы в мире ощущаются пагубные эффекты ядерного оружия. Существующая ядерная угроза подвергает риску само существование человечества. А между тем международное сообщество не запрещает это смертоносное оружие массового уничтожения.

Единственным способом избавиться от этой угрозы является достижение полной ликвидации ядерных арсеналов. И поэтому мы настаиваем на неотложности международного юридически обязывающего инструмента о запрещении разработки, производства, накопления и применения ядерного оружия. В этом состоит одна из нерешенных задач в рамках Конференции по разоружению.

Мы убеждены, что имеются элементы для продвижения этой цели. Например, центральными ориентирами в плане наших дискуссий и возможных переговоров о мире, свободном от ядерного оружия, являются предложения, представленные на этот счет некоторыми делегациями, и национальные позиции и позиции групп стран, таких как Группа 21. Кроме того, прекрасную возможность дает нам и международная обстановка в сфере разоружения.

В этом процессе Колумбия поддерживает участие гражданского общества. Мы считаем, что его вклад может способствовать нашей деятельности, подобно тому, как это имеет место на других многосторонних разоруженческих форумах. Вместе с тем мы признаем, что дееспособность в плане переговоров и принятия решений есть прерогатива государств-членов. Между тем сейчас есть международные инструменты, которые позволяют нам продвигаться вперед в русле мира, свободного от ядерного оружия, и в том числе краеугольный камень системы разоружения и нераспространения – Договор о нераспространении ядерного оружия, в той мере, в какой он устанавливает обязанность государств, обладающих ядерным оружием, принимать меры к тому, чтобы остановить гонку в плане приобретения и развития такого рода вооружений и достичь полного ядерного разоружения. В этом смысле Колумбия вновь заявляет о настоятельной необходимости достижения универсализации ДНЯО, равно как и его эффективного осуществления, и особенно по трем его устоям: разоружению, нераспространению и мирному использованию ядерной энергии. В этом смысле мы настоятельно призываем государства, обладающие таким оружием, блюсти свое недвусмысленное обязательство по ликвидации своих ядерных арсеналов с прицелом на всеобщее и полное ядерное разоружение.

В равной мере мы подчеркиваем необходимость универсализации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, с тем чтобы предотвратить не только производство новых ядерных вооружений, но и совершенствование существующих, равно как и избавить планету от радиационных последствий. В этом ракурсе государствам, фигурирующим в приложении II, мы адресуем особый призыв: подписать и ратифицировать этот инструмент. А пока этот Договор не вступит в силу, надлежит применять мораторий на ядерные испытания. Еще одним из фундаментальных механизмов в плане цели ядерного разоружения является укрепление Международного агентства по атомной энергии в его роли контролера и гаранта на тот счет, что ядерные программы носят сугубо и исключительно мирный характер, и поэтому мы призываем все госу-

дарства, которые еще не сделали этого, подписать и ратифицировать соглашения о гарантиях и дополнительные протоколы.

В равной мере Колумбия подчеркивает важность договоров о создании зон, свободных от ядерного оружия, пожалуй, как наибольший вклад в режим разоружения и позитивную лепту в международный мир и безопасность, как это было зафиксировано на второй Конференции по зонам, свободным от ядерного оружия, проходившей в Нью-Йорке 30 апреля прошлого года. В этом ракурсе мы подтверждаем необходимость укрепления существующих зон и выступаем за создание новых зон. Кроме того, мы можем и должны по возможности как можно больше продвигаться в рамках таких дискуссий, пока мы не достигнем такой цели, как инструмент, запрещающий применение ядерного оружия. Колумбия подтверждает важность просвещения в области разоружения и нераспространения как средства для трансформации анахроничных парадигм и видений и выработки культуры мира. Эти усилия также имеют фундаментальное значение для укрепления доверия между странами, и особенно в региональных форматах.

В заключение Колумбия хотела бы остановиться на двух последних идеях. С одной стороны, мы хотим подтвердить неотъемлемое право всех государств на развитие ядерной энергетики в мирных целях в соответствии со статьями I и II Договора о нераспространении. Мы подчеркиваем важность международного сотрудничества, дабы поощрять взаимообмен оборудованием и материалами, равно как и формировать людской капитал в сфере ядерных наук, что является необходимым шагом для материализации этого права. В этой сфере роль Международного агентства по атомной энергии, главного пропагандиста мирного использования ядерной энергии, может способствовать социально-экономическому развитию государств.

Во-вторых, Колумбия хотела бы сделать акцент на новом измерении, которое приобретает распространение ядерного оружия с учетом угрозы применения такого рода оружия массового уничтожения террористами и незаконными негосударственными вооруженными формированиями, как было признано в различных международных инструментах и решениях, включая Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма и резолюцию 1540 Совета Безопасности. Колумбия считает своим долгом предостеречь международное сообщество об этом риске.

Мы полагаем, что ядерное разоружение – это не изолированный вопрос; как раз наоборот, этот процесс органично связан с другими глобальными вызовами. Устранение ядерной угрозы позволило бы нам сосредоточиться на решении общих для нас серьезных проблем, таких как борьба с бедностью, пандемиями и изменением климата. Международное сообщество жаждет иметь планету в условиях мира и безопасности, свободную от ядерной угрозы. И моральный долг нашей Конференция состоит в том, чтобы продвигаться в русле этой цели и в полной мере оправдывать это чаяние. Мы надеемся, что политическая воля и дух компромисса восторжествуют и мы сможем решительно и предметно продвигаться в рамках Конференции по разоружению к достижению мира, свободного от ядерной угрозы.

Г-н Рохас Саманес (Перу) (*говорит по-испански*): Г-н Председатель, позвольте мне прежде всего поздравить вас со вступлением на пост Председателя данной Конференции и пожелать Вам больших успехов в вашей работе. Моя делегация вновь заверяет вас в своем самом полном сотрудничестве в достижении целей, которые вы наметили для себя на этом первом и, я бы сказал, фундаментальном этапе сессии Конференции этого года.

Спустя три года и, что еще важнее, с тех пор как члены Организации Объединенных Наций провели в прошлом сентябре совещание высокого уровня с целью рассмотрения состояния многостороннего механизма по разоружению, на прошлой неделе к нам обратился Генеральный секретарь Пан Ги Мун с настоятельным призывом раз и навсегда покончить с иммобилизмом, который долгое время отягощает Конференцию. На протяжении всего этого периода, когда мы не смогли принять программу работы, которая привела бы нас к началу предметных переговоров, мы, однако, не сидели сложа руки. Как все мы знаем, Конференцией, и в особенности всеми чередующимися председателями, принимались и принимаются до сих пор многочисленные усилия с целью ответить на крупные вызовы, которые ставит перед нашей Конференцией сложный политический контекст безопасности всех стран. На протяжении всех этих полутора десятков лет мы вырабатывали тут различные формулы и мандаты, мы создали ряд затейливых консультационных механизмов, мы условились, что имеется множество уровней формальности и даже неформальности, на которых мы подступаемся заботящим нас вопросам. Мы по-разному группировали, приоритизировали и упорядочивали свои проблемы. И все это делалось с единственной целью: поощрять и облегчать торжество раз и навсегда политической воли к тому, чтобы нам продвигаться вперед и начать работать.

Как считает моя страна, искать причины феномена, который именуют или квалифицируют как иммобилизм, в том, как ведется Конференция, или в правилах процедуры, которые ее регулируют, – это, к сожалению, все равно что, как говорится, братья за дело не с той стороны. Такое видение или восприятие, к сожалению, может привести к еще более деликатной ситуации, в которой мало того, что наша Конференция станет беспредметной и анахроничной, но мы, к тому же, еще и не сможем заменить ее другим органом, который давал бы нам больше уверенности, коль скоро он должен был бы функционировать как раз в тех самых глобальных условиях, которые мешают нам продвигаться сегодня.

Все мы несем нелегкую ответственность: заботиться о том, чтобы существовали и укреплялись условия, которые позволяли бы многосторонним учреждениям утверждать и гарантировать мир, безопасность и разоружение, и особенно разоружение ядерное, но мы считаем, что особая ответственность за это лежит на государствах, обладающих ядерным оружием, и поэтому моя страна обращает к каждому из них особый призыв: отложить в сторону соображения индивидуального или специфического характера в отношении безопасности и сдерживания и заменить их соображениями глобального и коллективного свойства, без умаления безопасности каждого государства, и позволить нашей планете отвлечь все более зловещую угрозу ядерного уничтожения – цель, которая была и должна оставаться нашим главным приоритетом в сфере разоружения.

Через несколько недель моя страна будет иметь честь принимать региональную конференцию, на которой мы будем обсуждать различные инициативы по разоружению и ограничению вооружений, под общим названием "Мир, безопасность и развитие в Латинской Америке". Наш регион, Латинская Америка, всегда шел в авангарде разоружения и сейчас делает акцент на обычных вооружениях, и особенно на тех вооружениях, которые сопряжены с тяжелыми гуманитарными издержками. Латинская Америка больше 40 лет назад открыла важный путь к ядерному разоружению, с тем чтобы наш регион стал первым регионом мира, свободным от ядерного оружия, и она сделала это в условиях крайне неблагоприятного и деликатного международного контекста, благодаря прозорливости и стойкой приверженности делу мира таких фигур, как посол Мексики Гарсия Роблес, который навсегда преподал нам большой урок того,

что может быть достигнуто, если мы думаем об истинной коллективной безопасности.

Моя делегация готова немедленно приступить к предметной работе в рамках Конференции по четырем темам, которые мы обозначили как ключевые проблемы, и поэтому мы присоединяемся к той поддержке, какую снискало себе предложение Генерального секретаря Организации Объединенных Наций Пан Ги Муна без дальнейших отлагательств начать предварительные переговоры неофициального характера по вопросу о расщепляющемся материале для ядерного оружия, причем в широком смысле и во всех отношениях, включая и вопросы, связанные с производством, проверкой и сокращением запасов. Как мы полагаем, только посредством детального изучения всего того, что включает в себя этот неотложный вопрос, можно будет определить, что является технически возможным и политически целесообразным. Мы понимаем мандат Шеннона как фундаментальный ориентир для рассмотрения этой проблемы, но мы не усматриваем в нем никаких ограничений в плане рассмотрения всех, подчеркиваю – всех аспектов, касающихся расщепляющегося материала для ядерного оружия, чье рассмотрение необходимо для достижения юридически связывающего международного инструмента по этому вопросу.

Начиная эти переговоры, пусть даже в предварительном порядке, Конференция не должна упускать из виду или никоим образом не сдерживать рассмотрение других центральных проблем: ядерное разоружение, негативные гарантии безопасности и предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. В связи с ними существуют разные уровни согласия, равно как и прогресса юридического и технического свойства. Если по одним нам еще надо достичь консенсуса базового характера, то по другим мы даже располагаем полными предложениями в виде юридическое текстов. И поэтому моя делегация считает, что сбалансированная трактовка всех этих вопросов, как это фигурирует в повестке дня, которая была принята нами в 2009 году под председательством нашего уважаемого алжирского коллеги посла аль-Джазайри, или содержится в документе CD/1889, предложенном уважаемым послом Бразилии ди Маседу Суарисом в ходе его председательства, является наилучшей основой для того, чтобы мы приняли свою повестку дня в ходе этой первой части нашей сессии 2011 года.

Г-н Хоффман (Германия) (*говорит по-английски*): Моя делегация приветствует возможность обсудить ключевые темы нашей повестки дня. В то же время мы хотели бы подчеркнуть, что задача Конференции по разоружению состоит в том, чтобы вести переговоры и, хотелось бы надеяться, достигать согласия по юридически обязывающим инструментам в сфере разоружения и нераспространения. И мы призываем все соответствующие стороны и впредь прилагать всяческие усилия к тому, чтобы достичь этой цели.

Сегодня мы обсуждаем проблему договора по расщепляющемуся материалу. Моя делегация полностью поддерживает заявление Европейского союза.

С 1950-х годов поборники ядерного разоружения добиваются договора, который лимитировал бы количество расщепляющегося материала ядерно-оружейного назначения и заложил основы для необратимых сокращений ядерного оружия. Справедливости ради надо сказать, что сегодня международное сообщество близко к единодушию в стремлении открыть переговоры по этой проблеме на Конференции по разоружению.

Есть поистине веские причины, по которым ДЗПРМ продолжает оставаться, как его нередко квалифицируют, "следующим логическим шагом" по контролю над ядерными вооружениями и нераспространению. Позвольте мне указать некоторые из них. ДЗПРМ дал бы уникальную возможность создать недискриминационный общий знаменатель, возлагающий, в сущности, равные обязанности как на государства, обладающие ядерным оружием, так и на государства, не обладающие ядерным оружием. Он также немало помог бы упрочить защищенность ядерного материала, и в немалой мере в перспективе предотвращения риска попадания такого материала в руки негосударственных субъектов. Он также устанавливал бы транспарентность в отношении нынешних ядерных комплексов там, где такой транспарентности еще нет. И поэтому установление лимита на ядерные арсеналы очевидно стало бы еще одной важной вехой в хорошо откалиброванном, поэтапном подходе в русле мира, свободного от ядерного оружия.

Так что выгоды от ДЗПРМ носят убедительный характер. Сотрудничество в достижении ДЗПРМ может служить как глобальным, так и национальным интересам. Между тем надежды на начало реальных переговоров по этой проблеме десятилетиями сводятся на нет. Мы рады, что, наконец, преодолены кое-какие из препятствий прошлого, такие как увязка открытия переговоров по ДЗПРМ с другими проблемами или высказывание сомнений относительно проверяемости ДЗПРМ, и мы ценим, что соответствующие партнеры продвинулись вперед в этом отношении.

Но, к сожалению, сейчас Конференция по разоружению сталкивается с ситуацией, когда есть, в сущности, лишь одно государство-член, а именно Пакистан, которое по причине национальных озабоченностей в отношении определенных событий, касающихся гражданского ядерного сотрудничества, открыто противится открытию международных переговоров по ДЗПРМ. 25 января 2011 года посол Акрам объяснял здесь в зале свои озабоченности по поводу того, что это "еще более усилит асимметрию в запасах расщепляющегося материала в регионе в ущерб интересам безопасности Пакистана".

Позвольте мне взглянуть на это заявление. Во-первых, мы полагаем, что государствам следует очень сильно подумать, желают ли они пойти на то, чтобы мешать всему международному сообществу в его усилиях с целью начать процесс обследования взаимоприемлемых решений на переговорах.

Ведь на практике это значит, и давайте четко отдавать себе в этом отчет, обрекать Конференцию по разоружению на дальнейший застой. Я бы напомнил слова Генерального секретаря Организации Объединенных Наций в этом зале 26 января: "Членам Конференции надо признать, что привилегия [правила консенсуса] сопрягается с ответственностью (...). Одна-две страны не должны быть в состоянии бесконечно блокировать процесс". Да мы, в сущности, и не думаем, чтобы блокирование открытия переговоров, которых добивается почти все международное сообщество, могло отвечать долгосрочным интересам любого государства.

Во-вторых, мы с интересом отмечаем замечание посла Акрама в его заявлении от 1 февраля 2011 года о том, что "гораздо более содержательной целью..." стал бы "...договор, который будет обеспечивать не только запрещение будущего производства, но и сокращение запасов расщепляющегося материала". При этом в своей оценке посол Акрам назвал это "целью, которую поддерживает большинство международного сообщества". Ну, если Пакистан так оценивает ситуацию, – а ведь он, быть может, и прав, – то разве не стоило бы проработать этот самый тезис на переговорах? Как всем нам ведомо, мандат Шен-

нона эксплицитно не возбраняет никакой делегации поднимать эту самую проблему.

Германия на протяжении длительного времени входит в число поборников договора по расщепляющемуся материалу. Мы старались вносить свои концептуальные вклады, например за счет рабочего документа, озаглавленного "Создание новой динамики для договора о прекращении производства расщепляющегося материала (ДЗПРМ)", который был представлен Подготовительному комитету 2008 года обзорной Конференции 2010 года по ДНЯО. В конце 2009 года, когда мы еще надеялись, что вскоре начнутся переговоры по ДЗПРМ, мы провели в Берлине семинар по ДЗПРМ, в котором активно участвовали ряд моих коллег, сидящих за этим столом.

Моя делегация рассчитывает на более детальные дискуссии по ключевым положениям договора о расщепляющемся материале. Позвольте мне на данном этапе высветить лишь несколько фундаментальных элементов. ДЗПРМ должен включать: запрет на производство расщепляющегося материала "прямого использования" для ядерного оружия в русле определений МАГАТЭ; запрет на передачу расщепляющегося материала, произведенного для гражданского использования до или после вступления ДЗПРМ в силу, на цели, связанные с ядерным оружием; запрет на повторное использование расщепляющегося материала, полученного за счет разоруженческих мер.

Что касается спорной проблемы запасов, то мы считаем, что надо будет выдерживать баланс между противоположными подходами. В какую форму могли бы быть облечены соответствующие меры, будет зависеть от многих факторов, которые придется рассмотреть в подходящее время. Что можно сказать в данный момент, так это то, что, дабы сделать ДЗПРМ содержательным предприятием, как минимум важное место в нашей повестке дня будет занимать проблема транспарентности.

И наконец, ключевое значение будет иметь, конечно же, проверка. Система будет, естественно, зависеть от сферы охвата договора, но в принципиальном плане мы будем ратовать за недискриминационную, многостороннюю и эффективную систему верификации, где ко всем государствам-участникам будут применяться одни и те же правила. И моя делегация будет очень рада включиться в дальнейшие дискуссии по этим проблемам.

Г-жа Хигги (Новая Зеландия) (*говорит по-английски*): Как подчеркивала моя делегация в недавнем заявлении по проблеме ядерного разоружения, Новая Зеландия последовательно выступает за начало переговоров по договору о расщепляющемся материале. Мы уже давно утверждаем, что такое соглашение вносило бы существенный вклад как в нераспространение, так и в ядерное разоружение.

Чем больше затягиваются переговоры по этим проблемам, тем больше будет нарастать количество появляющегося расщепляющегося материала и тем больше будет потенциал для роста числа и размеров ядерных арсеналов.

Есть ряд подходов, которые можно будет принять в целях ведения переговоров по договору о расщепляющемся материале. Я не касаюсь здесь процедурного вопроса о том, как же нам развернуть переговоры, а хочу сосредоточиться на некоторых элементах режима расщепляющегося материала; и этот термин я употребляю намеренно, ибо вполне может так случиться, что в результате нашей работы по этой проблеме возникнет потребность более чем в одном продукте или договоре. И одним из способов, например, сократить и уладить расхождения во мнениях, которые сохраняются по вопросу о включении суще-

ствующих запасов расщепляющегося материала, может оказаться режим или рамочный подход.

Позвольте мне тут обратиться к самому последнему докладу авторитетной Международной группы экспертов по расщепляющемуся материалу. Группа во введении к своему докладу отмечает, что в 2010 году в нем сделан акцент на предоставлении новых оценок исторического производства и текущих запасов высокообогащенного урана (ВОУ) и плутония по шести государствам, обладающим ядерным оружием, которые еще не объявили свои запасы этих материалов. Во-вторых, МГРМ рассматривает официальные объявления производства и запасов расщепляющегося материала со стороны Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. В-третьих, Группа приводит данные о высокообогащенном уране и плутонии в государствах, не обладающих ядерным оружием.

Ясно, что, по мнению Группы, точная информация о производстве и запасах высокообогащенного урана и плутония является необходимой предпосылкой для прогресса по ядерному разоружению. Группа считает, что текущие запасы расщепляющегося материала превышают потребности для поддержания сегодняшних арсеналов ядерного оружия, и у государств, обладающих оружием, была бы возможность объявить значительные количества расщепляющегося материала избыточными для использования в военных целях. Нельзя не поддержать вывод Группы о том, что это исследование подкрепляет аргументацию на тот счет, чтобы все государства, обладающие ядерным оружием, предали гласности больше информации о своем производстве и запасах расщепляющегося материала.

Второй важный вывод доклада Группы состоит в том, что, поскольку большинство государств, обладающих оружием, прекратили производство расщепляющегося материала для ядерного оружия, такие государства могли бы культивировать рядом способов транспарентность и доверие в отношении прошлой деятельности по производству расщепляющегося материала. Например, Группа предположила, что можно было бы разработать кооперационные инициативы, с тем чтобы сопоставить процедуры, используемые при закрытии производственных объектов и завершении учета произведенных до тех пор материалов. По их размышлениям, это поможет отшлифовать методы проверки объявлений стран относительно запасов расщепляющегося материала.

Как явствует из доклада Группы, уже не слишком рано для того, чтобы, прежде чем мы сядем за стол переговоров, обследовать перспективы практических шагов на национальном уровне, дабы помочь сформировать окончательный исход переговоров. Одним примером являются подобного рода кооперационные инициативы, предлагаемые МГРМ; другим примером, и это тоже будет способствовать разработке эффективных мер проверки для нового режима, являются официальные объявления производства и запасов расщепляющегося материала со стороны Соединенных Штатов и Соединенного Королевства, которые я упоминала ранее.

Я не намерена распространяться в этом заявлении о проблемах верификации, но я все же хочу затронуть вопрос об объявлениях запасов расщепляющегося материала в контексте более широкой дискуссии о возможных подходах в рамках наших переговоров к трактовке существующих запасов. При этом я хочу привлечь внимание к превосходному рабочему документу, который был представлен Австралией на сессии Конференции 2010 года (CD/1895) и который дает весьма четкие представления о возможном содержании договора по расщепляющемуся материалу и о возможных параллельных инструментах, таких как объявления.

Оптимальным исходом наших переговоров наверняка был бы договор, который запрещал бы будущее производство расщепляющегося материала и в то же время устанавливал обязательства по разглашению, сокращению и ликвидации проверяемым образом существующих военных запасов. Это максимально повысило бы нераспространенческую и ядерно-разоруженческую ценность инструмента; но можно было бы постулировать и ряд других решений.

Договор по расщепляющемуся материалу действительно может оказаться осуществимым только в контексте рамочного подхода, когда сам договор дополнялся бы протоколами, разработанными путем переговоров на многосторонней основе, или односторонними объявлениями, представляемыми соответствующими государствами. Переговоры по этим другим инструментам можно было бы проводить параллельно с переговорами по договору или же после заключения договора, – и в идеале они бы носили бы юридически связывающий характер.

Можно было бы представить себе, например, что существующие запасы могли бы быть сделаны предметом объявлений с требованием к государствам-обладателям осуществлять практику государственного аудита, по которой оружейный материал подлежал бы контролю. Разумеется, чтобы быть совместимыми с ДНЯО, такие объявления должны предвещать поступательное сокращение этих запасов государствами, которые являются участниками ДНЯО.

Объявления, по крайней мере, служили бы для конкретизации общих количеств высокообогащенного урана и плутония, имеющихся во владении объявляющего государства. МГРМ предусматривает, что такие объявления, чтобы быть эффективными, охватывали бы пять категорий запасов: боеголовки и компоненты боеголовок; материал, который был определен как избыточный для военных целей, но еще находится в оружии; резервы для использования в военно-морских и других военных реакторах; отработанное топливо военных реакторов; и гражданские запасы.

Некоторые из этих категорий сопряжены с особенно деликатными проблемами и явно не будут поддаваться нахождению решений в одночасье. В случае если императивные объявления по отдельным категориям запасов окажутся невозможными, могли бы быть реализованы и другие подходы. Они могут включать: настоятельный призыв к государствам, обладающим ядерным оружием, которые еще не сделали этого, произвести объявления своих общих оружейных запасов расщепляющегося материала; побуждение к заключению соглашений с целью лимитировать количество национальных объектов по производству расщепляющегося материала за счет многонациональных ядерных подходов; отстаивание ликвидации в максимально возможной степени использования высокообогащенного урана в качестве гражданского реакторного топлива и быстрого сокращения текущих гражданских запасов плутония.

Между тем во всяком случае, какой бы ни была роль объявлений в общем режиме, который был бы разработан, чтобы иметь дело с расщепляющимся материалом, в качестве нижней отметки должно выступать то обстоятельство, что верификационный режим должен быть в состоянии проводить разграничение между запасами, содержащимися на день вступления в силу запрета на производство, и запасами, произведенными незаконно после этой даты.

Г-н Председатель, моя делегация рассчитывает на дальнейшее взаимодействие по центральным аспектам переговоров о расщепляющемся материале. Мы рады, что вы предоставили нам такую возможность, и настоятельно призываем ваших преемников делать так же.

Г-н Кам Вун Ан (Республика Корея) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, пусть и с некоторым запозданием, но, поскольку я впервые беру слово под вашим председательством, я хотел бы прежде всего поздравить вас, посол Гриниус, со вступлением на этот важный пост. Как мне думается, сегодняшняя дискуссия под вашим умелым руководством по договору о прекращении производства расщепляющегося материала уже способствовала углублению нашего понимания и скорейшему началу переговоров по указанному договору.

Последние несколько лет мы занимаемся дискуссиями по ДЗПРМ. Но, к сожалению, из-за расхождения в позициях по ключевым проблемам, которое коренится в расходящихся индивидуальных озабоченностях по поводу безопасности, не было достигнуто никакого существенного прогресса по этой важной проблеме. Тем не менее, по моему мнению, ни одна из делегаций в этом зале не стала бы отрицать необходимость проведения переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала как таковых. На данном этапе, как я считаю, задача Конференции по разоружению состоит в том, чтобы поискать пути и средства для гармоничного соединения разных интересов национальной безопасности.

Как уже много раз указывалось, Республика Корея по-прежнему отводит высокий приоритет наискорейшему началу переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала. В самом деле, моя делегация считает, что эта проблема приближается к стадии переговоров на Конференции по разоружению, и поэтому она хотела бы увидеть их скорейшее начало.

Между тем сегодня в мои намерения не входит повторять заявления в русле долженствования или останавливаться на деталях проблемах. Вместо этого я хотел бы сосредоточиться на подходе в ракурсе бытия. Сегодня речь идет о том, как нам попытаться найти решения. Как мы помним, на прошлой неделе Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций рекомендовал Конференции по разоружению начать неформальный процесс, прежде чем мы достигнем согласия относительно официальных переговоров в рамках Конференции по ДЗПРМ.

В этом контексте я ценю вашу инициативу наладить содержательную дискуссию с общим акцентом на ДЗПРМ. Я надеюсь, что за этими дебатами могут последовать более тематические дискуссии, сфокусированные на более детальных технических проблемах. Это было бы полезно для того, чтобы укрепить доверие и облегчать официальный процесс. С учетом вышеупомянутого понимания корейская делегация полностью поддерживает австралийско-австрийско-американско-японское предложение. Нередко говорят, что дьявол кроется в деталях. Однако порой, если прямо и смело стать лицом к лицу с дьяволом, то можно и его заставить выглядеть менее ужасно. Кроме того, уточненные детали могут способствовать решению проблемы высокого уровня.

В заключение позвольте мне выразить искреннюю надежду, что все государства-члены будут прилагать всяческие усилия к тому, чтобы вывести Конференцию по разоружению из ее долгого дремотного состояния.

Г-н Маршик (Австрия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, спасибо вам за лидерство и за предоставленную нам возможность провести сегодняшние дебаты.

Значение, которое придают Австрия и ее партнеры по Европейскому союзу переговорам по договору о расщепляющемся материале, хорошо известно и было проиллюстрировано в сегодняшнем заявлении Европейского союза, под которым Австрия полностью подписывается.

И позвольте мне добавить три тезиса в нашем национальном ракурсе. Во-первых, достоинства договора по расщепляющемуся материалу уже стали предметом продолжительных дебатов в этом органе, который в 2009 году согласовал переговорный мандат. Для Австрии такой договор представляет собой необходимый и неизбежный шаг по пути к миру, свободному от ядерного оружия; но это есть нечто большее, чем просто ступенька. Уже сегодня моя делегация считает, что продолжающее производство расщепляющегося материала в оружейных целях несовместимо с нашей солидарной целью – полной ликвидацией ядерного оружия, противоречит действию 1 Плана действий обзорной Конференции 2010 года по ДНЯО, а также идет вразрез с духом статьи VI Договора о нераспространении. Мы приветствуем объявленные моратории на производство расщепляющегося материала и повторяем свой призыв ко всем государствам, обладающим ядерно-оружейными потенциалами, ввести такие моратории. Вместе с тем ясно, что нам нужен именно договор; только договор создаст необходимые правовые структуры и механизмы для обеспечения долгосрочного доверия и безопасности.

Во-вторых, само собой разумеется, что переговоры по ДЗПРМ здесь, на Конференции по разоружению, стали бы отрядным новым стартом для этой организации. Между тем, пока Конференция по разоружению все еще ищет свою роль, нам было бы вполне целесообразно дополнить процесс другими средствами, чтобы продвигать свои размышления. Австрия поддерживает упоминавшиеся идеи относительно неформального процесса. Мы слышали рекомендации Генерального секретаря Организации Объединенных Наций в этом отношении. Как мне думается, это как раз то, что нам нужно, и я хотел бы побудить партнеров к участию. Австрия была бы склонна в полной мере участвовать в таком процессе. Мы также поощряли бы приглашение на эти совещания технических экспертов из организаций. В качестве добротного первого шага в подобных дискуссиях послужило бы обстоятельное обсуждение определений расщепляющегося материала и производства.

Я приветствую множество интересных идей и аналитических выкладок, представленных сегодня утром различными делегациями, и особенно по проблемам определений, и для вас не должно стать сюрпризом, что Австрия поддерживает как можно более широкое определение с соблюдением потребности в четкости, точности и осуществимости. Наши дискуссии на этих совещаниях и здесь, на Конференции по разоружению, выиграют от того, что вся идея ДЗПРМ циркулирует уже годами. Нам не придется начинать с нуля; мы можем опереться на обширный опыт, дискуссии и знания, полученные в разных организациях, на инициативы НПО, групп экспертов и других в последние десятилетия. Если посмотреть на проверку, например, – кардинальный вопрос вне зависимости от окончательной сферы охвата и содержания будущего договора, – то вся ее эффективность, убедительность и полезность будет зависеть от надежности, достоверности и функционирования верификационного механизма. И тут мы можем задействовать обширный опыт Международного агентства по атомной энергии в создании и администрировании соглашений о гарантиях, верификационной и мониторинговой деятельности. Когда мы продолжим свои дискуссии, было бы полезно обратиться к ним и использовать этот опыт.

И наконец, в-третьих, ранее на этой неделе мы слышали доводы о том, что продолжающееся существование ядерного оружия стало источником небезопасности и есть необходимость производить расщепляющийся материал, дабы противостоять такой небезопасности, равно как и небезопасности, исходящей из других источников. Другие же задавали, да и мне тоже хотелось бы задать вот какой вопрос: если ядерное оружие и если оружейный расщепляю-

щийся материал являются источником небезопасности, то зачем их нам еще больше? Моя делегация твердо верит, что наилучшим способом устранения источников небезопасности и защиты интересов национальной безопасности на долгосрочной и устойчивой основе остаются многосторонние переговоры. И поэтому Австрия приветствовала бы немедленное начало переговоров по проекту, который способствовал бы как ядерному разоружению, так и нераспространению и является собой важный строительный блок для достижения мира, свободного от ядерного оружия, – по договору о расщепляющемся материале.

Г-н Саджиди (Исламская Республика Иран) (*говорит по-английски*):
Г-н Председатель, позвольте мне выразить удовлетворение в связи с тем, как вы руководите Конференцией. И я заверяю вас в полном сотрудничестве моей делегации.

Мы твердо убеждены, что существование ядерного оружия является величайшей угрозой для безопасности всех стран. И поэтому высочайшим приоритетом нашей делегации в работе этой Конференции является ядерное разоружение. Как показала дискуссия на последнем пленарном заседании Конференции по разоружению, все государства, не обладающие ядерным оружием, твердо считают, что ядерное оружие носит незаконный, нелегитимный и бесчеловечный характер и является собой серьезную угрозу для человека. Большое число членов международного сообщества, и в частности члены Движения неприсоединения, неоднократно привлекали внимание международного сообщества к той угрозе, какую создает ядерное оружие для международного мира и безопасности, равно как и для безопасности каждого отдельного государства. И поэтому они просят, чтобы международным сообществом были предприняты незамедлительные действия к тому, чтобы устранить эту угрозу.

Сегодня международное сообщество как никогда больше озабочено продолжающимся существованием в арсеналах государств, обладающих ядерным оружием, тысяч ядерных боеголовок. И нам нужно немедленно принять какие-то экстренные меры на Конференции по разоружению, дабы начать переговоры о поэтапной программе полной ликвидации ядерного оружия в установленных хронологических рамках, включая и конвенцию по ядерному оружию.

В этом отношении я хотел бы подтвердить призыв к учреждению на Конференции по разоружению в качестве высочайшего приоритета и как можно скорее специального комитета по ядерному разоружению. Такие переговоры должны привести к юридическому запрещению – раз и навсегда – обладания, разработки, накопления и применения ядерного оружия любой страной и предусмотреть уничтожение такого оружия.

В том же духе я вновь подчеркиваю, что ДЗПРМ должен запрещать расщепляющийся материал для целей ядерного оружия и не должен быть превращен в инструмент в сфере нераспространения. Мы никогда не примем такой подход. ДЗПРМ должен быть четким и содержательным шагом в русле ядерного разоружения и нераспространения во всех его аспектах. ДЗПРМ должен быть всеобъемлющим, недискриминационным, международно и эффективно проверяемым договором. По сфере охвата договора надлежит охватить не только будущее производство расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, но и прошлое производство и существующие запасы. И в ходе любых переговоров по ДЗПРМ на Конференции по разоружению мы будем энергично продвигать свои позиции в этом отношении.

Мы переживаем кардинальный этап в работе этой Конференции. Нам надлежит опереться на свои достижения в сфере ядерного разоружения. Мы считаем, что каждое государство несет особую ответственность за то, чтобы работать в русле устранения угрозы от существования ядерного оружия. ДЗПРМ будет иметь добавленную стоимость, только если он добавит новые твердые обязательства применительно к государствам, обладающим ядерным оружием, а произойдет это только тогда, когда он охватит все запасы государств, обладающих ядерным оружием, и когда он станет универсальным.

Конференции следует продвигаться в полном соответствии со своими правилами процедуры. Памятуя о неотложности устранения угрозы, создаваемой ядерным оружием для международного сообщества, мы призываем членов Конференции по разоружению принять и осуществлять сбалансированную и всеобъемлющую программу работы на основе ее повестки дня и заниматься всеми ключевыми проблемами в соответствии с правилами процедуры.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Саджади за его заявление. Прежде чем дать слово Южной Африке, я хочу отметить, что у нас осталось около 20 минут и у нас в списке еще фигурируют следующие ораторы: Пакистан, Италия, Индия, Китай, Швейцария и Россия, а также имеется просьба о праве на ответ и есть еще кое-какие "хозяйственные" дела, которые надо уладить. Дабы обеспечить, чтобы каждый все-таки имел возможность высказаться, мы будем продолжать до 13 ч. 00 м., а потом я прерву это заседание и созову его вновь в 15 ч. 00 м., чтобы закончить список ораторов и уладить кое-какие "хозяйственные" пункты, которые я упоминал. Имея это в виду, теперь я предоставляю слово Южной Африке.

Г-н Матжила (Южная Африка) (*говорит по-английски*): Наша делегация приветствует глубокое заявление посла Бразилии ди Маседу Суариса и отраженный в нем настрой. Мы также выслушали некоторые инициативы о том, как нам действовать. И в свое время мы на это ещеотреагируем.

Во вторник моя делегация вновь изложила свою позицию по проблеме ядерного разоружения: это остается нашей приоритетной задачей. Мы также четко заявили, что Южная Африка всегда выступала против максималистских позиций, которые, как мы полагаем, много лет не позволяют данному органу добиться какого-то прогресса по той или иной из проблем его повестки дня. Южная Африка также ратует за систематический и поступательный подход к достижению нашей цели – мира без ядерного оружия. И как раз по этой причине моя делегация полностью поддерживает переговоры по договору, который запретил бы производство расщепляющегося материала для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств и который решал бы как нераспространенческие, так и разоруженческие задачи.

Прежде всего я хочу четко сказать, что моя делегация не разделяет продвигаемого некоторыми членами Конференции по разоружению воззрения на тот счет, что договор о расщепляющемся материале является единственным пунктом, созревшим для переговоров. С учетом природы Конференции по разоружению как переговорного форума мы полагаем, что она в состоянии вести переговоры по любой проблеме, охваченной ее повесткой дня, хотя мы и признаем, что по одним проблемам довершение в ближайшем будущем международно связывающих механизмов может оказаться более вероятным, чем по другим. Хотя мы, быть может, и не все согласны по проблемам, которые либо более, либо менее созрели для заключения соглашения, это не должно мешать нам предметно заниматься проблемами нашей повестки дня. Непрестанные распри по процедурным вопросам следует отложить в сторону и заменить предметным

рассмотрением пунктов повестки дня Конференции. Если мы не сделаем этого, то будут по-прежнему подниматься вопросы относительно сохраняющейся значимости Конференции по разоружению в качестве инструмента для реализации разоруженческих целей. Вопрос, с которым мы сталкиваемся сегодня, состоит вот в чем: окажется ли Конференция по разоружению в состоянии оправдать наши ожидания, или же нам пора подумать об альтернативных вариантах для поступательного продвижения многосторонних разоруженческих переговоров в рамках усилий по активизации работы, которые должны были быть предприняты Конференцией по разоружению.

Всем нам ведомо о долгой истории усилий международного сообщества по выработке такого договора на Конференции по разоружению. В этом отношении мы припоминаем, в особенности, доклад посла Джеральда Шеннона для Конференции по разоружению за 1995 год относительно наиболее целесообразной структуры переговоров по договору о расщепляющемся материале, а также призывы Конференции 1995 года по рассмотрению и продлению действия ДНЯО и обзорных конференций 2000 года и 2010 года к Конференции по разоружению – начать переговоры по такому договору. С тех пор как был представлен доклад Шеннона, прошло уже 15 лет, а Конференция по разоружению все еще занята, можно сказать, эзотерическими дебатами о возможности переговоров.

Как все мы знаем, расщепляющиеся материалы, такие как плутоний или высокообогащенный уран, являются необходимыми ингредиентами для производства ядерного оружия. И ясно, что контроль такого материала будет прямо сказываться на контроле распространения. Кроме того, пожалуй, логично, что запрет на производство расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств стал бы важным шагом по пути к миру, свободному от ядерного оружия. Договор по расщепляющемуся материалу явно укреплял бы идеалы Договора о нераспространении ядерного оружия и дополнял Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Для моей делегации выработка договора по расщепляющемуся материалу также являла бы собой существенный строительный блок любой будущей системы, которая подкрепляла бы будущий мир без ядерного оружия. И если мы действительно серьезно настроены насчет ядерного разоружения и ядерного нераспространения, то и переговоры по договору о расщепляющемся материале уже нельзя откладывать.

Конференция по разоружению оказывается не в состоянии начать такие переговоры не только с принятия в 2009 году решения из документа CD/1864. Как, наверное, припоминают члены, согласие о начале переговоров по договору о расщепляющемся материале много лет осложняют многие проблемы. Они включают: мандат вспомогательного органа; злосчастные вопросы "увязки"; сферу охвата договора и вопрос о том, включать ли прошлое производство и запасы расщепляющегося материала; сомнения в его проверяемости; вопросы о полезности ДЗПРМ как реального шага по ядерному разоружению, который не будет просто-напросто замораживать статус-кво. Все они способствовали продолжающемуся застою в ситуации. Мы согласны, что многие из этих проблем – это очень важные вопросы, которые придется решать. Однако мы полагаем, что большинство из этих проблем могут быть решены только в ходе собственно переговоров.

В ходе многих формальных и неформальных дебатов и дискуссий по повестке дня Конференции и программе работы и в ходе параллельных мероприятий моя делегация стремится вносить свою лепту в дебаты по договору о рас-

щепляющемся материале (ДРМ). В 2002 году Южная Африка также представила Конференции по разоружению рабочий документ по договору о расщепляющемся материале, который был распространен в качестве документа CD/1671. Этот документ содержит размышления о возможной сфере охвата и требованиях ДРМ. Поскольку этот документ имеется у всех делегаций, я не буду повторять содержащиеся в нем элементы, а лучше очень кратко повторю наши широкие позиции.

Южная Африка полагает, что такой договор должен быть недискриминационным и проверяемым договором, который служит целям как ядерного разоружения, так и ядерного нераспространения. Как первая страна, которая разработала, а потом и полностью ликвидировала свое ядерное оружие, мы вполне осведомлены о сложностях, связанных с будущим договором. Вопреки выдвигаемым кое-кем аргументам об ограничениях будущего договора, опыт Южной Африки показал, что, несмотря на значительные технические сложности, которые надо будет признать, все они могут быть преодолены при наличии необходимой политической воли. Хотя мы и признаем, например, трудности, сопряженные с прошлым производством расщепляющегося материала, мы твердо верим, что будущим договором, чтобы он был убедительным инструментом, должны быть охвачены запасы. Договор по расщепляющемуся материалу, который служит целям разоружения, должен будет непременно реализовывать и принципы транспарентности, необратимости и проверки. Чтобы такой договор был вполне эффективным, он, как мы полагаем, должен стать продуктом многосторонних разоруженческих переговоров.

В заключение моя делегация приветствует возможность принять участие в этих дебатах на Конференции по разоружению. Мы надеемся, что вскоре мы окажемся в состоянии внести свой вклад в переговоры по весьма сложной проблеме, которую уже нельзя откладывать.

Г-н Акрам (Пакистан) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, уважая вашу просьбу, я не буду оглашать подготовленный текст, а выскажу несколько кратких замечаний.

Прежде всего я хотел бы заверить нашего уважаемого коллегу посла Бразилии, что он вовсе не зануден. Ваше сегодняшнее заявление, посол, стало самым филигранным, самым важным и самым всеобъемлющим заявлением, какое я только слышал за те два года, что я провел на этом форуме. Я хотел бы также от имени моей делегации солидаризироваться с теми, кто подчеркивал сегодня необходимость отвести высочайший приоритет проблеме переговоров о конвенции по ядерному разоружению.

Что касается расщепляющегося материала, то я могу со всей ясностью сказать, что эта проблема затрагивает саму сердцевину наших забот по поводу безопасности. В прошлом мы уже объясняли, что в силу наших региональных императивов Пакистан вынужден изыскивать потенциал для убедительного ядерного сдерживания. В этом контексте Пакистану крайне важно, чтобы была урегулирована проблема асимметрии в запасах расщепляющегося материала. И поэтому мы находим, что недавние установки на исключительность и дискриминацию в плане ядерной торговли в рамках гражданского ядерного сотрудничества будут усугублять эту асимметрию, а тем самым и делать еще опаснее для нас угрозу проблемы асимметрии в запасах; а отсюда и позиция, которую мы принимаем в отношении предлагаемых переговоров по ДЗПРМ.

Мы полагаем, что в этих обстоятельствах ДЗПРМ, как он предлагается, носит ущербный характер, потому что он не принимает в расчет определенные критические проблемы, наиболее важной из которых является проблема запасов, хотя тут есть и несколько других аспектов. Позвольте мне кратко остановиться на этих проблемах.

Возьмем проблему определения. Определение является ключевым фактором в этом отношении, ибо оно будет предопределять сферу охвата и верификационный режим будущего договора. Нам надо принимать в расчет в этом отношении не только высокообогащенный уран и оружейный плутоний, но и новые виды материалов, которые появились в результате научных разработок. Я имею в виду, в особенности, америций-241, америций-243, нептуний-237 и реакторный плутоний, потому что это тоже может быть использовано для изготовления грубых ядерных боеприпасов.

Во-вторых, что касается запасов, то мы полагаем, что нам надо принимать в расчет не только будущее производство запасов расщепляющегося материала, но и существующие запасы. Прошлые, нынешние и будущие запасы расщепляющегося материала надо брать в их совокупности как на региональном, так и на глобальном уровнях. Договор должен касаться не только остановки производства, но и, что еще важнее, сокращения запасов, с тем чтобы уладить проблему асимметрий. Высказанные же предположения относительно добровольных, односторонних или двусторонних мер не дадут эффекта – в сущности, они просто несостоятельны. Если бы в этом отношении можно было использовать двусторонние меры, то тут не было бы проблем – по крайней мере для нас.

Нам надо также иметь в виду существование колоссальных запасов у двух крупных ядерных держав: там насчитывается по крайней мере 900 метрических тонн оружейного урана и свыше 220 метрических тонн оружейного плутония. Эти цифры я почерпнул из Глобального доклада о расщепляющемся материале за 2010 год. Такие колоссальные запасы создают ситуацию, когда, даже если эти крупные державы прекратят будущее производство расщепляющегося материала, у них останется достаточно материала, чтобы продолжать изготавливать ядерное оружие, если они предпочтут это делать. А это приведет к риску как вертикального, так и горизонтального распространения. И поэтому асимметрия в запасах на глобальном и региональном уровнях представляет собой фактор стратегической нестабильности; а это, как я уже сказал, усугубляется селективными и дискриминационными установками некоторых держав.

Некоторые из наших коллег в качестве основы для урегулирования проблемы запасов ссылаются на мандат Шеннона. Возможно, того рода конструктивной неопределенности, которая существовала в 1998 году или вскоре после того, было бы достаточно, но в нынешних обстоятельствах, особенно для нас, ввиду событий, которых я касался, эта проблема определенно не может быть улажена за счет того или иного рода конструктивной неопределенности – ее нужно улаживать самым непосредственным образом. Нам нужно утвердить в нашей уверенности, что мы ведем переговоры по договору не только о запрещении будущего производства, но и о сокращении существующих запасов.

А ведь еще есть и проблема верификации и то обстоятельство, что предлагаемый механизм проверки, в свете заявлений, которые мы слышали, не является достаточным, дабы обеспечить и предоставить такого рода гарантии, какие нужны для того, чтобы иметь поистине проверяемый договор. Прочный и надежный верификационный режим позволит нам определять уровень запасов, дабы сдерживать перенаправление с гражданских программ на программы военные и отслеживать производственные операции в контексте запасов.

Ввиду этих озабоченностей, мы хотели бы заявить, как мы делали это в прошлом и как я ссылался на это в нескольких своих заявлениях, о желательности иметь соглашение, которое мы могли бы назвать не "договором о прекращении производства расщепляющегося материала", а "договором по расщепляющемуся материалу". Разница тут в том, что договор о прекращении производства расщепляющегося материала есть просто-напросто нераспространенческий шаг, хотя, пожалуй, даже и это не так, ибо, ввиду существующих колоссальных размеров запасов, которые уже имеются в наличии, даже нераспространение в этом контексте не представляется возможным. Что нам действительно нужно, так это договор, который предусмотрит сокращение существующих запасов и запретит будущее производство. В этом контексте в договор о расщепляющемся материале нужно будет включить следующие элементы.

Что касается определения, то нам следует расширить определение и помимо высокообогащенного урана и оружейного плутония включить, как я уже говорил, нептуний и америций. Что касается сферы охвата, то ДРМ должен иметь широкий охват, выходя за рамки высокообогащенного урана и оружейного плутония: он должен включать расщепляющийся материал, используемый для военно-морских двигательных установок и хранящийся в ядерных реакторах, равно как и реакторный плутоний. Как я уже говорил в отношении запасов, договор по расщепляющемуся материалу должен не только запрещать будущее производство, но и урегулировать проблему сокращения существующих запасов.

Что касается проверки, то мы считаем, что есть необходимость в независимом верификационном механизме, как это эволюционировало в случае КХО и ДВЗЯИ. Это должно включать инспекции на месте и инспекции по запросу. МАГАТЭ было бы недостаточно опираться на национальные технические средства контроля. Кроме того, что касается вступления ДРМ в силу, то он должен вступить в силу только тогда, когда его подпишут и ратифицируют все государства, способные производить расщепляющиеся материалы.

Как мне известно, несколько стран из разных региональных групп заявили как в приватном порядке, так и на этом форуме, что они, собственно, выступают за договор, который не только запретит будущее производство, но и позволит сократить существующие запасы. Я также выражаю признательность одной делегации, которая имела смелость заявить, что она не выступает за такой договор. Я ценю такую искренность и приветствую ее.

Позвольте мне сказать последние две вещи. Во-первых, я хотел бы ответить послу Германии, когда тот сослался на мое предыдущее заявление и задался вопросом, нужно ли Пакистану стоять наготове, чтобы предотвратить достижение международного консенсуса. Я хотел бы лишь сказать ему, что у нас нет желания предотвратить достижение международного консенсуса. К сожалению, были созданы обстоятельства, которые грозят подорвать нашу безопасность, в силу чего мы были вынуждены занять эту позицию. И если уж это сопряжено с какой-то ответственностью, то такая ответственность ложится на те страны, которые ради выгоды и ради великодержавной политики практикуют установки, которые идут в нарушение их международных нераспространенческих обязательств. Что же касается проблемы затягивания работы Конференции по разоружению, то мне хотелось бы услышать от него ссылку на затягивание, которое имело место на протяжении последних двенадцати лет, а не только на политику моей делегации как на причину такого затягивания на протяжении последних двух лет.

Наконец, мне ведомо, что имеются определенные предложения относительно параллельных мероприятий, о которых говорил посол России. Я согласен с его взглядами; мы полагаем, что правила процедуры Конференции дают нам достаточно места, чтобы проводить деятельность того свойства, которая предлагается в рамках параллельных мероприятий. Нам хотелось бы побольше узнать об этих параллельных мероприятиях. Нам хотелось бы знать, как они будут соотноситься с работой Конференции по разоружению, ибо, на наш взгляд, работу Конференции не следует подрывать, и если есть необходимость в неформальных дискуссиях того рода, которые предусматриваются в рамках этих параллельных мероприятий, то у нас есть модель проведения неофициальных дискуссий, которую мы использовали в прошлом году. Я не усматриваю за этими параллельными мероприятиями добавленной стоимости, но я, во всяком случае, открыт к тому, чтобы меня убедили, и мне хотелось бы побольше услышать на этот счет.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Акрама за его заявление. Уже 13 ч. 00 м. Я прерву заседание до 15 ч. 00 м. Между тем у нас в списке есть еще шесть ораторов плюс Китай.

Г-н Ван Цюнь (Китай) (*говорит по-китайски*): Что касается планов сегодня пополудни, коль скоро надо провести заседание, то мы к этому не были готовы, да к тому же у нас есть и другие обязательства. И поэтому я хотел бы высказать пару соображений. Хотя у нас в списке есть еще шесть делегаций, мы могли бы попросить всю шестерку выступить с краткими и простыми заявлениями, с тем чтобы каждый мог взять слово на этом сегодняшнем заседании. Или, если уж, собственно, есть необходимость провести еще одно заседание, то, как я полагаю, вы как Председатель вправе использовать четвертую неделю заседаний, которая еще не спланирована. Заявления шести представителей можно было бы запланировать на эту неделю пленарных заседаний, когда в ходе дискуссий по другим темам можно было бы зарезервировать время, когда слово взяли бы те представители, которым еще не довелось выступить. Мы передаем это в ваши руки, и мы согласимся с вашим решением.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Ван Цюня за это предложение. Я уже совещался с секретариатом, да и мероприятие устных переводчиков тоже расширило мое представление о потребностях устных переводчиков. Мне поистине очень хотелось бы продолжить работу по этой ключевой проблеме, прежде чем мы перейдем к другим проблемам на следующей неделе, и мы оставляем за собой право сделать это в консультации со всеми, ибо это будет последняя неделя моего председательства. Нам еще предстоит проделать массу других дел, но, как сказал посол Джазайри, тут у нас идет очень предметный разговор, и мне хотелось бы продолжить его, да вдобавок еще и надо уважить право на ответ.

Ну а теперь я все-таки должен прервать это заседание, но мы продолжим после обеда.

Заседание прерывается в 13 ч. 05 м. и возобновляется в 15 ч. 05 м.

Председатель (*говорит по-английски*): Уважаемые коллеги, я поистине впечатлен вашим энтузиазмом, да и вашей выносливостью, дабы продолжить работу утреннего 1202-го заседания. И вот я его возобновляю. Как я уже говорил, у нас в списке есть еще шесть ораторов, и я предоставляю слово послу Италии.

Г-н Манфреди (Италия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, прежде всего, поскольку я впервые беру слово на пленарном заседании, я хотел бы поздравить вас со вступлением на пост Председателя, а также поздравить вас с тем, как вы ведете нашу работу, ибо это достойно восхищения. Италия, разумеется, солидаризируется с заявлением Европейского союза, оглашенным ранее венгерским послом от имени государств-членов. Есть, однако, несколько вопросов, которых я хотел бы коснуться в нашем национальном ракурсе.

Приоритетом Италии на Конференции по разоружению является ДЗПРМ. Как уже заявляли многие, причина тут состоит в том, что ДЗПРМ, в сущности, преследует две цели: он является и разоруженческим инструментом, и нераспространенческим инструментом. При этом я вовсе не желаю вдаваться в философию ДЗПРМ, ибо мы занимаемся этим делом по крайней мере с 1995 года. По нашему мнению, Конференции сейчас следует сосредоточиться на пяти темах, касающихся ДЗПРМ, имея в виду в качестве справочного материала мандат Шеннона (CD/1299).

В качестве первой темы выступают определения. Австралийский делегат уже довольно пространно затронул этот вопрос. Определение расщепляющегося материала являет собой сложную, но существенную задачу, прежде чем предпринимать переговоры по ДЗПРМ. В прошлом здесь, на данной Конференции, было представлено еще по крайней мере три определения. Если я правильно помню, одно определение предложили Соединенные Штаты, другое определение предложила Швейцария, а потом еще одно предложила Россия. Кроме того, есть определение по расщепляющимся материалам, которое содержится в статье XX Устава МАГАТЭ. Так что тут есть место для переговоров и для вклада экспертов МАГАТЭ и других институтов, специализирующихся на органической химии и ядерной физике. В качестве общей цели должно выступать определение, которое было бы достаточно широким, чтобы сделать ДЗПРМ убедительным и эффективным, но не столь чрезмерным, чтобы предполагать неприемлемо дорогостоящие или сложные процедуры проверки или ненужные лимиты на мирное использование ядерной энергии.

В качестве второго пункта нам следует рассмотреть проверку. По нашему мнению, положения о проверке имеют существенное значение в любом серьезном разоруженческом или нераспространенческом договоре. И тут тоже есть место для переговоров и для вклада со стороны сведущих кругов, и особенно со стороны Международного агентства по атомной энергии. Да ведь полезный вклад в этом отношении могут внести и Соединенные Штаты и Россия. В более общем плане пункт о проверке носит сквозной характер применительно ко всем различным аспектам ДЗПРМ, которые я упомяну позже.

Третьим аспектом, которым нам следует заняться, является ядерное топливо. Высокообогащенный расщепляющийся материал используют не только в качестве взрывчатого вещества для своих ядерных арсеналов, но и в качестве топлива для военно-морских судов с атомными двигательными установками военно-морские флоты не менее чем четырех государств, обладающих ядерным оружием. И в ходе переговоров по ДЗПРМ придется решить, следует или не следует, а если следует, то как охватить договором этот расщепляющийся материал, пусть он и сопоставим с ядерной взрывчаткой.

Четвертым аспектом, которым нам следует заняться, являются производственные предприятия. Чтобы иметь убедительный ДЗПРМ, нам надо урегулировать проблему предприятий по производству оружейного расщепляющегося материала. Позволяем ли мы производить их вывод из эксплуатации, или же мы могли бы предусмотреть их конверсию? Осуществима ли их конверсия? Как на-

счет инспекционных процедур? И тут тоже существенное значение имел бы внешний экспертный потенциал.

И наконец, пятым вопросом, который нам следует изучить, являются запасы расщепляющегося материала. Запасы являются реальным камнем преткновения для любых будущих переговоров по ДЗПРМ, и даже сегодня утром это высветили заявления, которые были сделаны в этом зале. Должен ли договор быть просто договором о прекращении производства, или же он должен содержать и положения о существующих запасах? Воззрения, высказанные здесь, радикально отличаются, но ведь в нашей сфере деятельности нет ничего либо черного, либо белого. Простые размышления над этой проблемой в нашем зале должны дать зацепки на предмет возможных компромиссов. И если мы проведем на этой Конференции серьезные углубленные дискуссии по пяти темам, которые я упомянул, и придем к какому-то предварительному пониманию по крайней мере по некоторым из них, то постепенно проступят и контуры будущего ДЗПРМ, несмотря на то, что переговоры официально не начались. Так что, как сказал ранее сегодня утром наш голландский коллега: давайте же сделаем это!

Г-н Рао (Индия) (*говорит по-английски*): С 1993 года, когда Индия стала одним из первоначальных соавторов консенсусной резолюции 48/75 Генеральной Ассамблеи, которая предусмотрела договор о запрещении производства расщепляющегося материала как значительный вклад в ядерное нераспространение во всех его аспектах, Индия занимает последовательную позицию по ДЗПРМ. Индия присоединилась к консенсусу об учреждении специального комитета по ДЗПРМ в 1995 году, а потом опять – в 1998 году. Мы также не вставали на пути к консенсусу относительно принятия документа CD/1864, который среди прочего учредил в мае 2009 года рабочую группу для переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или ядерных взрывных устройств на основе доклада Шеннона и содержащегося в нем мандата. И в этом отношении я хотел бы напомнить и подтвердить наше заявление на пленарном заседании от 29 мая 2009 года.

Кроме того, как было подчеркнуто в наших предыдущих пленарных заявлениях, Индия придает важное значение Конференции по разоружению как единственному многостороннему форуму переговоров по разоружению, равно как и ее правилам процедуры, и особенно правилу консенсуса. Мы считаем, что Конференция по разоружению является подходящим форумом для переговоров по ДЗПРМ. Мы ожидаем от Конференции по разоружению переговоров по инструментам универсальной применимости. И поэтому существенно важно, чтобы все соответствующие страны участвовали в переговорах и вносили свою лепту в их успешное завершение. Со своей стороны, как страна, обладающая ядерным оружием, Индия готова заключить универсальный, недискриминационный и поддающийся международной проверке договор о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Очевидно, что договор должен отвечать интересам национальной безопасности Индии.

Мы полагаем, что будущий ДЗПРМ должен быть недискриминационным в том смысле, что обязательства и обязанности, проистекающие из договора, должны применяться недискриминационным образом ко всем государствам – участникам договора, и в особенности к государствам, прямо затрагиваемым обязательствами и обязанностями по нему. Мы также полагаем, что важным элементом архитектуры договора будет проверка. Любой верификационный механизм, приемлемый для всех, должен отвечать критериям эффективности, а

сам договор должен поддаваться международной проверке. Мы также полагаем, что ДЗПРМ должен быть договором о запрещении будущего производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или ядерных взрывных устройств. Мы расцениваем это как основную характеристику при определении сферы охвата договора. Если ДЗПРМ будет добросовестно осуществляться на основе универсального участия и присоединения, то он внес бы значительный вклад в ядерное нераспространение во всех его аспектах – цель, задуманная и предусмотренная в общих пониманиях, приведших к резолюции Генеральной Ассамблеи 1993 года.

Мы внимательно выслушали утверждения о том, что определенные события, выходящие за рамки компетенции этого форума, усугубляли бы асимметрии в запасах и тем самым сказывались на перспективах ДЗПРМ. Мы не согласны с этой аргументацией. Как все мы знаем, реальные причины имеют иную природу. Как много асимметрий мы можем скорректировать? Асимметрии в размерах и разработках не мешают и не должны мешать нам в совместной работе на многосторонних форумах. Кроме того, вопреки тому, что было сказано, членство Индии в международных режимах экспортного контроля, таких как Группа ядерных поставщиков, укрепляло бы международные нераспространенческие усилия. И нам нужно проявлять осторожность насчет того, кто тут стремится быть моралистом международного нераспространенческого режима.

Наконец, не претерпела изменений и поддержка Индии в отношении начала переговоров на Конференции по разоружению по договору о запрещении производства расщепляющегося материала. В предыдущие годы, и в том числе в прошлом году, мы с открытой душой участвовали в неофициальных и пленарных дискуссиях по ДЗПРМ. Как мы заявили на предыдущем пленарном заседании 1 февраля 2011 года, мы полагаем, что такие дискуссии не наносят ущерба той приоритетности, какую следует отвести принятию программы работы, с тем чтобы предпринимать предметную работу, включая переговоры, на Конференции по разоружению. Они не могут стать субститутом для переговоров по ДЗПРМ во вспомогательном органе, учрежденном официальным решением Конференции, или цитироваться как прецедент или отражение предметных позиций делегаций в ходе переговоров.

Г-н Ван Цюнь (Китай) (*говорит по-китайски*): Г-н Председатель, поскольку сегодня первый день китайского Нового года, сперва позвольте мне как представителю китайской делегации выразить новогодние поздравления всем нашим коллегам на Конференции. Этот год является годом Кролика – олицетворения мудрости, ловкости и удачи. И я надеюсь, что благодаря нашим соединенным усилиям Конференция по разоружению окажется в состоянии добиться прогресса, или, как говорили недавно многие из моих коллег, "давайте просто сделаем это". А ведь мы не только должны "просто сделать это". Самое важное состоит еще и в том, чтобы наша работа была проникнута мудростью. Что касается ДЗПРМ, то я хотел бы упомянуть несколько принципиальных позиций.

Во-первых, Китай последовательно выступает за то, чтобы Конференция по разоружению как можно скорее провела переговоры и заключила ДЗПРМ. С тех пор как сорок восьмая сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций приняла в 1993 году резолюцию по ДЗПРМ, равно как и на последующих сессиях, Китай безо всяких исключений либо присоединяется к консенсусу, либо голосует в пользу такого инструмента. Китайское правительство полагает, что ДЗПРМ в равной мере важен как с точки зрения ядерного разоружения, так и с точки зрения нераспространения. Достижение ДЗПРМ уско-

рит прогресс в сфере ядерного разоружения и позволит предотвращать распространение ядерного оружия и сберегать международный мир и безопасность.

Во-вторых, китайская делегация принимает к сведению позицию, изложенную в заявлении посла Российской Федерации г-на Лощина на пленарном заседании во вторник в отношении ДЗПРМ. Он сказал, что параллельные дискуссии по ДЗПРМ, начатые вне Конференции, не были бы конструктивными, ибо они не позволяли бы принимать участие какому-то государству, обладающему ядерным оружием. Его тезис бьет прямо в точку. Он совершенно резонен, и китайская делегация вполне с этим согласна. Китайская делегация полагает, что Конференция как единственный многосторонний орган переговоров по разоружению является наилучшим и единственным форумом для переговоров по ДЗПРМ.

В-третьих, китайская делегация считает, что на основе всеобъемлющей и сбалансированной программы работы Конференции по разоружению следует как можно скорее начать переговоры по ДЗПРМ и посредством надлежащих переговоров заключить надлежащий договор. "Надлежащие" переговоры означают открытые и транспарентные переговоры между правительствами, а "надлежащий" договор означает договор, который может снискать себе участие всех государств-членов.

В нынешних обстоятельствах позиция китайского правительства состоит вот в чем: коль скоро пока не удастся договориться по программе работы, нам следует обратиться к практике прошлых лет и начать сбалансированные дискуссии на пленарных заседаниях Конференции как по ДЗПРМ, так и по другим темам, основываясь как на неофициальных дискуссиях, так и на иных формах сотрудничества. Это позволит поддержать авторитет Конференции и подкрепить ее правила процедуры, а также обеспечить широкое участие государств-членов. Что же касается выраженных сегодня делегациями позиций по различным аспектам ДЗПРМ, то китайская делегация детально изучит их, и она оставляет за собой право прокомментировать их впоследствии и выразить свою позицию.

Г-н Волленманн (Швейцария) (*говорит по-французски*): Как вы знаете, Швейцария придает большое значение переговорам по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. И поэтому Швейцария поддерживала публикацию в прошлом году со стороны ЮНИДИР справочного документа, прослеживающего в историческом ракурсе рассмотрение этой тематики Конференцией по разоружению с вычленением ключевых проблем всякого переговорного процесса. Также по этой причине Швейцария финансировала три семинара по различным аспектам эвентуального договора. Наконец, это побудило мою делегацию привлечь к участию в неофициальных дискуссиях, проходивших в прошлом году, г-на Бруно Пелло, с тем чтобы участники могли воспользоваться его обширными знаниями в охватываемой сфере. В другом случае г-н Пелло, выступая от своего собственного имени, представил неофициальный документ по этой тематике. На наш взгляд, этот документ остается в силе для нынешних дискуссий и мог бы стать отправной точкой для предстоящих этапов.

Моя делегация хотела бы сегодня сообщить кое-какие сведения общего характера о позиции Швейцарии относительно договора. Для Швейцарии переговоры по договору о запрещении производства расщепляющегося материала стали бы большим сдвигом. Такой инструмент представлял бы собой, после ДНЯО и ДВЗЯИ, третий краеугольный камень многосторонней системы разоружения и нераспространения. Он позволил бы сделать еще один шаг по пути к

миру, свободному от ядерного оружия. Кроме того, такой инструмент укреплял бы систему ядерного разоружения и нераспространения, ибо он способствовал бы уменьшению дискриминации, вытекающей из ДНЯО, который устанавливает сильную асимметрию между государствами-обладателями и государствами-необладателями. Чтобы в полной мере внести свою лепту в реализацию таких целей, такой договор должен был бы, на наш взгляд, основываться на нескольких принципах.

Во-первых, такой договор должен быть нацелен не только на предотвращение горизонтального распространения ядерного оружия, но и на предотвращение его вертикального распространения и способствовать разоружению. А для этого он должен не только запрещать будущее производство расщепляющегося материала во взрывных целях, но и устанавливать лимитирование, а также сокращение существующих запасов. Таким образом, Швейцария считает, что запасы должны бы быть, по крайней мере частично, охвачены договором. Только при этом условии такой документ может служить присущей ему двойной цели – нераспространению и разоружению.

Во-вторых, функция договора должна была бы состоять в том, чтобы позволять консолидировать международный нераспространенческий режим, тесно увязывая в рамках общих усилий государства – участники и государства – не-участники ДНЯО.

И наконец, в-третьих, договор должен быть эффективно проверяемым. Ясно, что только в таких условиях подобный режим сможет обеспечить его долговечность.

Швейцария убеждена, что Конференция по разоружению остается подходящим форумом для проведения дискуссий по договору и по трем ключевым вопросам. Мы готовы в полной мере участвовать в будущих дискуссиях.

Г-н Новохатский (Российская Федерация): Мы поддерживаем начало переговоров на Конференции по разоружению по договору о запрещении производства расщепляющегося материала в рамках сбалансированной программы работы форума и на основе мандата Шеннона. Разработка такого договора стала бы, на наш взгляд, многосторонней мерой по укреплению режима Договора о нераспространении ядерного оружия и важным шагом в ядерном разоружении.

Россия полностью прекратила производство расщепляющегося материала для целей ядерного оружия, то есть оружейный уран в нашей стране не нарабатывается с 1989 года, то есть уже более 20 лет. Остановлены все реакторы – наработчики оружейного плутония. Последний такой реактор, использовавшийся с 1994 года в качестве источника тепло- и энергоснабжения, остановлен летом 2010 года.

Что касается возможных элементов эвентуального договора, то хотели бы поделиться некоторыми соображениями на этот счет. Несомненно, в качестве первого шага будет необходимо достичь согласия в отношении ключевого проблемного вопроса – определения расщепляющегося материала, которое, на наш взгляд, с одной стороны, должно соответствовать целям договора, а с другой – отражать реалии сегодняшнего дня и соответствовать последним работкам МАГАТЭ в этой области.

В отношении сферы охвата договора мы считаем, что она должна включать запрет на производство расщепляющегося материала для целей создания ядерного оружия или других взрывных устройств. Из договоренности должны быть исключены положения, касающиеся использования такого материала для

производства топлива для морских силовых установок. Следует также учитывать такие положения, как запрет на оказание содействия или на поощрение других государств к производству таких материалов и запрет на перевод расщепляющегося материала из гражданского в военный цикл для целей ядерного оружия.

Мы убеждены, что в договоре должно участвовать как можно большее число государств. Это прежде всего ядерные державы, а также страны, обладающие потенциалом производства ядерных взрывных устройств и имеющие установки по обогащению урана и переработке отработавшего ядерного топлива. При этом бессрочный характер договора лишь повысит его ценность.

На наш взгляд, было бы вполне логичным, чтобы механизм контроля и верификации будущего соглашения в максимальной степени задействовал проверенные временем инструменты проверки, находящиеся в распоряжении МАГАТЭ, и его экспертный потенциал. При этом наделение МАГАТЭ полномочиями в плане верификации ДЗПРМ должно быть исключительно в рамках мандата Агентства. Механизм контроля в то же время должен быть оптимальным и незатратным, чтобы не увеличивать финансовое бремя на государства-участники.

В заключение хотелось бы сказать, что, по нашему убеждению, обсуждение тематики ДЗПРМ должно проходить в рамках Конференции с участием всех стран, обладающих военными ядерными потенциалами. Любой другой вариант резко снизит эффективность работы по договору и его добавленную стоимость.

Г-н Ойярс (Чили) (*говорит по-испански*): Сегодня утром и с начала второй половины дня мы слышим конструктивные и интересные дебаты, которые опять свидетельствуют о приоритетности ядерного разоружения и нераспространения и об отчетливом интересе к наращиванию динамики, с тем чтобы начать переговоры по договору о расщепляющемся материале, однако у нас есть возможность ощутить и то, что мы могли бы квалифицировать как экзогенные аспекты по отношению к данной Конференции, так или иначе влияющие на политические действия, которые нам надлежит предпринимать в этой сфере.

Посол ди Маседу Суарис выступил с аналитическими размышлениями в этом отношении. Мораторий на производство расщепляющегося материала, как это было предложено Австралией и другими делегациями, есть элемент, который должен рассматриваться как политическая мера укрепления доверия. Договор же в этой сфере бесспорно способствовал бы упрочению безопасности ядерных материалов, привносил транспарентность и устанавливал конкретные ограничения на ядерные арсеналы, что стало бы существенными шагами в русле мира, свободного от ядерного оружия.

Ясно, что нам надлежит с реализмом и гибкостью прилагать усилия к тому, чтобы начать систематическую и упорядоченную работу по расщепляющемуся материалу. Многие делегации детально разъяснили отдельные элементы и существенные аспекты, которые подлежат анализу. В особенности, мы хотим остановить внимание на трех взаимосвязанных понятиях: принципы и цели; определения и сфера охвата; и проверка. Что касается целей, то нам надо непременно договориться об обязательствах, которые устанавливал бы инструмент, и конкретно о том, какие материалы были бы запрещены. Что касается определений, то тут надо придерживаться как можно более широкого подхода, позволяющего включить весь расщепляющийся материал, который может использоваться в ядерном оружии. Ясно, что есть расхождения на тот счет, как

определить этот материал; подходящей основой для начала нашей работы стало бы определение, принятое в статье XX Устава МАГАТЭ относительно специального расщепляющегося материала. Мы полагаем, что, как указывали некоторые делегации, проблемы, которые могло бы создать для проверки такого рода более широкое определение, должны быть разрешены, когда будет рассматриваться раздел верификации.

Как мы понимаем, третьей важной сферой для рассмотрения была бы проверка. Это дело не простое. У нас будут разные возможные подходы на предмет урегулирования как запрещения производства, так и существующих запасов, что выходит за рамки простого предоставления информации или их объявления в процессах мониторинга и оценки, да надо будет побеспокоиться и об эвентуальных случаях несоблюдения и трудностях с идентификацией материалов, если мы хотим обеспечить простор для большего доверия и большей транспарентности. У нас есть важные эталонные механизмы как на многостороннем уровне – МАГАТЭ, так и в ракурсе двусторонних соглашений.

Как все мы знаем, эти переговоры будут долгим и трудным делом, а их хронология будет всегда обуславливаться тем, что мы обозначили минуту назад как экзогенные факторы, но, как нам представляется, нам следует воспользоваться возможностями для приготовлений, начав здесь, на Конференции, в формате Конференции, как тут уже указывалось, технические дискуссии. Тем из нас, чья работа сопряжена со сферой политики, есть много чему поучиться в техническом разрезе, и это может помочь в поиске лучших определений и формул, которые способствовали бы рассеиванию законных опасений или озабоченностей по поводу безопасности, присущих вопросам, которые связаны с факторами реальной мощи.

Как нам представляется, подобного рода размышления должны продолжаться – как хотелось бы надеяться, с участием экспертов – возможно более сфокусированным образом. В качестве следующего председательства мы предполагаем, что мы подумаем о продолжении этого рода тематической хронологии в отношении рассмотрения вопросов, причем, разумеется, как уже отмечал тут посол Индии, таким образом, чтобы никак не тормозить и не подменять усилия, прилагаемые вами, г-н Председатель, к тому, чтобы принять программу работы.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Ойярсе за его заявление. Как я полагаю, сегодня утром о праве на ответ просило Соединенное Королевство. И вот теперь вам слово.

Г-жа Адамсон (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии) (*говорит по-английски*): Как только что сказал посол Ойярсе, мне думается, что дискуссия, которая проходит у нас сегодня, показывает, как много интереса и как много страсти может вызывать эта тема. И очень приятно видеть, что Конференция по разоружению реально включается в определенные хорошие дискуссии и расходует на это бюджет Конференции по разоружению. И я очень рада видеть, что мы это делаем.

Мне хотелось бы воспользоваться правом на ответ в связи с речью посла ди Маседу Суариса. И я делаю это с большим сожалением, ибо, как знает посол, нам всегда нравятся и нам особенно понравились в ходе его председательства в прошлом году его очень хорошие, откровенные рассуждения. Посол всегда является здесь одним из самых вдумчивых и взыскательных коллег. В его речи, собственно, есть лишь один аспект, который мне хотелось бы затронуть и который касается категоризации исхода по ДНЯО.

Многие из нас были там в прошлом мае и затратили много часов на составление итогового документа, и хотя мы бы и не ожидали, чтобы кто-то, кто не был причастен к дискуссии, отследил, что же все-таки есть в плане действий, мы вот считаем, что Заключительный документ по ДНЯО имеет кое-какие весьма подробные планы по разоружению и по двум другим устоям, и все государства – участники ДНЯО должны делать все возможное, чтобы продвигать их. Ну и я согласна с послем ди Маседу Суарисом: чтобы узнать, хорош ли пудинг, его надо попробовать. Вы хотите увидеть, что мы делаем, чтобы осуществить прошлогодний документ, но мне думается, что еще, в общем-то, слишком рано терять надежду и считать, что мы сотворили это, а потом просто оставим это позади. Как мне думается, мы все будем стремиться осуществить то, что мы договорились сделать. Конференция, которая будет проходить в Париже через несколько недель, являет собой свидетельство того, как мы намерены реализовывать этот комплекс планов действий.

Я хотела бы в заключение сказать, что, как мне думается, дипломатия есть искусство возможного, и то, что мы видели сегодня в ходе дискуссий, истине олицетворяет это. Нам следует побуждать себя, как это делал посол, заниматься тем, о чем мы договорились. Мне думается, что еще, в общем-то, слишком рано говорить о том, что ДНЯО не будет обеспечивать реализацию сопряженных с ним решений, ибо всем нам следует еще больше побуждать себя делать это.

Я хотела бы, в свою очередь, поздравить посла Ван Цюня с Новым годом и внести ясность по поводу лозунгов "Сделайте же это" или "Давайте же сделаем это". В прошлом году, как мне думается, именно я предложила лозунг: "Сделайте же это". А впоследствии посол подхватил это и сказал: "Да, я согласен, нам следует это сделать, – так сделаем же это!". И ясно, что если нам достанет мудрости, скорости и немножко удачи, то мы, подобно кролику, сможем, как хотелось бы надеяться, продолжить эту хорошую дискуссию.

Г-н эль-Атави (Египет) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, большое спасибо за то, как построена вся эта сессия и как ведутся здесь дела. Я просто хотел бы высказать очень короткое замечание относительно того, что только что упомянула представительница Соединенного Королевства. Просто в порядке дружеского напоминания: план действий охватывает ядерное разоружение, два других устоя и реализацию решения 1995 года по Ближнему Востоку. Давайте не будем забывать об этом.

Г-жа Адамсон (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии) (*говорит по-арабски*): Разумеется, я об этом вовсе не забываю. Хотелось бы надеяться, что никто тут не обиделся. Разумеется, в будущем мы поработаем над этим вопросом.

Председатель (*говорит по-английски*): Посол Ван Цюнь упомянул тут год Кролика. В английском языке тоже есть некое выражение, и я сейчас озадачу им наших устных переводчиков. В Китае год Кролика олицетворяет собой мудрость, скорость и удачу, и мне думается, что вот так нам, со всей определенностью, и следует действовать. Английское же выражение, разумеется, гласит: мы не хотим, чтобы у нас во все стороны шныряли кролики, потому что это может принести чуточку хаоса. И, как все вы понимаете, поэтому-то я и хотел бы сделать и продолжаю делать акцент на том, чтобы сосредоточиться на четырех ключевых проблемах в плане рассмотрения.

Прежде чем мы прервемся, у меня есть пара вещей "хозяйственного свойства". Прежде всего в порядке напоминания: в понедельник, 7 февраля, в 13 ч. 00 м., состоится параллельное мероприятие Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (СИПРИ), а перед этим будут поданы бутерброды. Я уж не знаю, будет ли у нас канадское пиво, но по крайней мере мы сможем подкрепиться бутербродами. У нас выступят два эксперта из СИПРИ и, смею сказать, один из Института Организации Объединенных Наций по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР) – наша Тереза Хитчинс, которая будет входить в состав дискуссионной экспертной группы. В понедельник к дискуссионной экспертной группе присоединится и личный представитель Европейского союза по нераспространению оружия массового уничтожения г-жа Анна-Лиза Джанелла. Параллельное мероприятие СИПРИ, как я надеюсь, удачно совпадает с нашей темой на следующее пленарное заседание во вторник – предотвращением гонки вооружений в космическом пространстве.

Ну а в данный момент я хотел бы дать слово послу Австралии, который тоже хотел бы сделать объявление.

Г-н Вулкотт (Австралия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, спасибо вам, что вы во второй раз снисходительно позволяете мне выступить в ходе этого пленарного заседания. Я делаю это от имени Австралии и Японии.

Этот обмен носит полезный характер. Австралия и Япония будут и впредь поддерживать усилия с целью обеспечить, чтобы за счет программы работы на Конференции по разоружению могли как можно скорее начаться переговоры по ДЗПРМ на основе мандата Шеннона. А между тем мы хотим, чтобы продолжались эти дискуссии. Соответственно, я хотел бы известить вас, что мы распространяем среди всех государств-членов и наблюдателей письмо с приглашением на параллельное мероприятие экспертов по определениям ДЗПРМ. Это мероприятие, устраиваемое совместно Австралией и Японией, будет проходить в зале XII Дворца Наций во второй половине дня в понедельник, 14 февраля, во вторник 15 февраля, и в среду, 16 февраля. Письмо с приглашением содержит дальнейшие сведения и ориентировочный график. Параллельное мероприятие буду возглавлять я, и мне будет помогать в качестве заместителя председателя и докладчика д-р Бруно Палау. Я благодарю доктора Палау, и я, в частности, хочу поблагодарить посла Юрга Лаубера и правительство Швейцарии за щедрое содействие участию доктора Палау.

Мы тщательно выслушали озабоченности некоторых из моих уважаемых коллег по поводу параллельных дискуссий. Мы хотим самым четким образом заявить, что это рассчитано на то, чтобы поддержать Конференцию по разоружению и поддержать будущие переговоры по ДЗПРМ на этом форуме. На прошлой неделе Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций призвал к творческому мышлению на Конференции. Он также предложил, в отношении расщепляющегося материала, фундаментальный процесс обучения друг друга и поступательного развития: это подкрепило бы информационно и облегчило формальный процесс, как только Конференция примет свою программу работы. Наша инициатива являет собой отклик на оба предложения Генерального секретаря в порядке содействия Конференции. Мы надеемся, что члены и наблюдатели примут это приглашение, и мы рассчитываем, по возможности, на как можно более широкое присутствие на параллельном экспертном мероприятии по определениям ДЗПРМ, и уж определенно со стороны делегаций на Конференции по разоружению в Женеве.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Вулкотта за его заявление. Если у нас нет других ораторов, то я хотел бы завершить наши дела на сегодня. У нас это затянулось несколько больше, чем ожидалось, но мне думается, что мы провели очень хорошую предметную дискуссию.

Следующее пленарное заседание Конференции состоится во вторник, 8 февраля. Слово имеет представитель Пакистана.

Г-н Али Хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, простите, я должен извиниться, но я хотел бы занять еще несколько минут на этом продолжительном заседании и поздравить вас с тем, как вы ведете работу до сих пор. Вы ведете председательство с большим достоинством и выдержкой, облегчая тем самым наши весьма полезные дискуссии. Я очень тщательно выслушал то, что имел сказать уважаемый посол Австралии относительно инициативы в плане параллельного мероприятия с правительством Японии. Однако, если это возможно в данный момент, я хотел бы, чтобы они объяснили мне это в более четких формулировках. Быть может, я что-то упустил, но я просто хотел бы попросить разъяснения в том, что касается соотношения параллельного мероприятия с Конференцией по разоружению. Мы бы предположили, что тут идет речь о параллельном мероприятии и инициативе одной-двух стран, и тут нет никакой связи с тем, что мы делаем на Конференции или с точки зрения правил процедуры Конференции. Я был бы признателен, если бы нам можно было объяснить это чуть более подробно. Быть может, я просто упустил это. Так что я приношу свои извинения и прошу о снисхождении посла Австралии.

Председатель (*говорит по-английски*): Ну, прежде чем дать слово или Японии, или Австралии, вот вам мое понимание увязки того или иного параллельного мероприятия такого рода, как мероприятие СИПРИ в понедельник или другие параллельные мероприятия, например мероприятия ЮНИДИР, которые проходят здесь десятилетиями. Тут речь идет об инициативе, которая, как, по его словам, надеется посол Вулкотт, будет способствовать пониманию проблем, которые в первую очередь и прежде всего вписываются в контекст наших дискуссий. Вы припомните, конечно, что после того, как во вторник посол Акрам произнес свою речь, – речь весьма четкую с точки зрения позиции и забот Пакистана по поводу безопасности, я предположил, что, пожалуй, дабы просветить всех нас, быть может, было бы тоже полезно провести какое-то параллельное мероприятие относительно подобного рода проблем. Да вот вам, кстати, и еще один пример: мероприятие ЮНИДИР по космическому пространству было инициативой Китая, России и Канады. Я не знаю, кто хотел бы ответить – Австралия или Япония?

Г-н Вулкотт (Австралия) (*говорит по-английски*): Благодарю Пакистан за этот вопрос. Речь идет о национальной инициативе Австралии и Японии по проблеме, представляющей непреходящий интерес для Конференции по разоружению, и кое-какие из наших размышлений я изложил в распространенном письме, которое у вас, наверное, имеется. Мое намерение состоит в том, чтобы после параллельного совещания экспертов и с помощью д-ра Палау представить доклад, фактологический доклад, о дискуссиях, и представить этот доклад Конференции по разоружению на одном из будущих пленарных заседаний, где, если делегации проявят такую склонность, может состояться дальнейшая дискуссия. Тем не менее, в сущности, тут идет речь о параллельном мероприятии – национальной инициативе Австралии и Японии. Идея состоит в том, чтобы тесно увязать ее с Конференцией по разоружению, но очевидно, что она не является официальной частью программы Конференции по разоружению.

Г-н Ван Цюнь (Китай) (*говорит по-китайски*): Мы внимательно выслушали разъяснения, данные австралийской делегацией относительно ее предложений, и запрос на разъяснение, высказанный другой делегацией. Китайская делегация полагает, что это предложение и комментарий в связи с ним имеют большое значение. Я сообщу эти планы в свою столицу на предмет рассмотрения. Однако, чтобы обеспечить точность моего доклада и облегчить работу тем, кто его получит, я хотел бы отметить, что, как я понял из объяснения посла Гриниуса и разъяснения посла Вулкотта, предложение Австралии и Японии, по крайней мере в концептуальном отношении, не является частью в работы Конференции по разоружению. Я не знаю, верно ли мое понимание. Если это так, то я направлю в свою столицу доклад на этот счет.

Г-н Дарейи (Исламская Республика Иран) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, позвольте мне сообщить вам, что нас очень радует тот стиль, в каком вы руководите дискуссией. Мы также благодарим уважаемого посла Австралии за объявление этого параллельного мероприятия. Вместе с тем нас поистине озадачивает ответ, ибо нам не ясно, каким образом соотносятся такого рода мероприятия с форматом Конференции по разоружению.

Г-н Председатель, я уверен, что вы лучше меня знаете, в чем состоит статус председательства, и вы знаете, что Председатель не является пресс-атташе той или иной группы стран и что Председатель не должен объявлять параллельные мероприятия, пусть даже мероприятие СИПРИ. Если же есть прямая связь с работой Конференции, то тут уж дело секретариата объявить, что есть совещание, которое могло бы иметь какое-то отношение к Конференции по разоружению, а уж дело делегаций – решить, участвовать в этом совещании или нет. Я полагаю, что мы не ведали об этом обстоятельстве в ходе дискуссии как на предыдущем пленарном заседании, так и на сегодняшнем заседании. Мы слышали от многих делегаций озабоченность в связи с тем, что нам надо держаться за правила процедуры Конференции. Любого рода дискуссия должна носить всеобъемлющий характер, охватывая и вовлекая все стороны, которые являются ключевыми субъектами в работе Конференции по разоружению по отношению к ДЗПРМ.

Что же касается проведения того или иного рода параллельного мероприятия, то мы ценим, что тут идет речь о национальной инициативе, и мы могли бы устроить в будущем такое мероприятие по ядерному разоружению, ибо мы полагаем, что это поистине важно. Между тем, если мы проводим совещание, – а мы уже провели конференцию в Тегеране, где мы обсуждали проблему ядерного разоружения с участием многочисленных ученых и многих заинтересованных партнеров по ядерному разоружению, – то мы тоже могли бы устроить какие-то параллельные мероприятия в сфере разоружения. Но у меня все же нет уверенности, и я поистине озадачен в связи с тем, как это соотносилось бы с работой Конференции по разоружению, потому что исходя из правил процедуры, если мы хотим провести какую-то конференцию по разоружению, если мы хотим объявить нечто на пленарном заседании и если мы хотим создать увязку, то это было бы лучше делать на основе программы работы. В противном же случае, если кто-то того пожелает, мы можем согласиться, как и в предыдущие годы, провести серию неформальных заседаний со справедливым распределением времени по всем пунктам повестки дня.

Председатель (*говорит по-английски*): Большое вам спасибо за ваше заявление. Как вы, конечно, понимаете, у нас все еще нет программы работы, и ее достижение является моим приоритетом. Речь же идет о том, как использовать время – правильно и по существу. Вы, наверное, помните мой доклад и мое за-

явление на первом пленарном заседании, когда я сказал, что я ощутил такой настрой, что неофициальные совещания вспомогательных органов идут своим чередом и что желание подавляющего большинства членского состава состоит в том, чтобы мы придерживались четырех ключевых проблем. В отсутствие программы работы я поистине ценю то обстоятельство, что до сих пор у нас состоялись предметные дискуссии по первым двум ключевым проблемам. Я не думаю, что в правилах процедуры есть нечто такое, что возбраняет Председателю делать заявления типа "кстати, тут вот проходит параллельное мероприятие". Аналогичным образом, мне и раньше случалось объявлять, что мы будем проводить параллельное мероприятие с привлечением наших устных переводчиков, что, как я полагаю, стало неплохим подспорьем. Мы также говорили о будущих параллельных мероприятиях, например по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, исключительно на благо участников, с тем чтобы стимулировать их участие вне зависимости от того, какую сторону в споре они представляют. И тут опять же у меня это просто способ стимулировать неуклонные усилия к тому, чтобы понять позиции друг друга. Во многих случаях, когда у вас действительно есть реальные эксперты по различным предметам, – так ведь тем лучше. Если государство-член или группа государств-членов желает организовать параллельное мероприятие по ядерному разоружению, то я бы это определенно приветствовал. Более того, по оставшимся ключевым проблемам я поистине верю, что мы действительно имеем дело с обменом, весьма полноценным обменом мнениями по различным проблемам, где мы представляем свои национальные позиции, и зачастую в обменах нет ничего удивительного: ведь мы же склонны усиливать свои позиции. Как я нахожу, за годы здешнего пребывания из неформальных параллельных мероприятий, экспертных дискуссий и кулуарных разговоров я узнал больше того, что помогает мне лучше понимать проблемы, и не только на Конференции по разоружению, но и в столь многих других органах Организации Объединенных Наций, которые собираются здесь, в Женеве.

У меня в списке есть еще два оратора. Сперва Перу, а потом – Китай. Перу, вам слово.

Г-н Схиалер (Перу) (*говорит по-испански*): Г-н Председатель, поверьте, у моей делегации не было намерений вновь брать слово после того, как это было сделано сегодня утром на официальном заседании, которое началось сегодня под вашим председательством.

Мне просто хотелось бы прежде всего очень кратко поблагодарить правительства Австралии и Японии за эту инициативу, – инициативу, которая, как мы ясно понимаем, нашла свое выражение в контексте и в рамках законного права всех государств – членов форума привлекать внимание данной Конференции к вопросам, которые они считают важными для нашего осведомления. В этой практике нет ничего необычного, в этом нет ничего такого, что было бы для нас удивительным, в этом нет ничего такого, чего не случалось бы в прошлом, – и мне вовсе не обязательно напоминать об этом всем весьма уважаемым членам Конференции, – и это вовсе не обязательно было связано с вопросами, касающимся исключительно ядерного разоружения.

Тем не менее моя делегация просто хотела бы подтвердить, что мы несем обязанность корректно соблюдать правила процедуры этой Конференции. Как мне думается, те, кто слышал позицию моей страны, когда бы мы в той или иной момент касались, скажем, невольной необходимости или намерения в отношении не традиционного, а иного толкования правил процедуры, те, кто слышал и мог наблюдать твердую позицию моей страны в пользу правильной

интерпретации правил, могли бы отдать себе отчет в том, что для нас правила процедуры являются краеугольным камнем работы данной Конференции. В этом смысле, г-н Председатель, как вы только что сказали, моя делегация ни в коем случае не склонна усматривать в чем-либо положение, которое не позволяло бы ни Председателю, ни бюро, ни членам данной Конференции по разоружению поднимать вопросы в русле легитимного права государств-членов Конференции по разоружению делать это в интересах конструктивной позиции на наших переговорах.

Мы на этой Конференции отдаем себе отчет в нескольких вещах: во-первых, ее бездействие в течение 15 лет; во-вторых, международное негодование в отношении того, что мешает функционировать данной Конференции; в-третьих, в рамках этой Конференции и в русле тщательного соблюдения ее правил процедуры, вы, г-н Председатель, вместе с другими членами председательской шестерки прилагаете энергичные усилия с целью принятия программы работы, что, как вы сказали, как и в последние годы, является главной целью этой сессии Конференции по разоружению 2011 года.

Во-вторых, между тем мы выслушали очень полезные и очень конструктивные выступления, в которых страны изложили свои национальные позиции. Я думаю, что в этом и состоит работа Конференции, и мне думается, что тут это пока и заканчивается. Ну а все то, что выходит за рамки Конференции, так и остается за рамками Конференции, и именно так и должно пониматься.

Г-н Ван Цюнь (Китай) (*говорит по-английски*): Меня весьма обнадеживает дискуссия в этом зале Совета по двум ключевым проблемам – дискуссия весьма предметная, весьма информативная и весьма плодотворная. Китай, со своей стороны, поддерживает такую деятельность. Китай поддерживает не только официальную работу Конференции по разоружению, но и ее неофициальную работу, и даже неформальную работу Конференции, лишь бы та укладывалась в рамки параметров Конференции по разоружению, лишь бы та проводилась на основе ее правил и процедур.

Что же касается разъяснений, которые я как раз попытался получить, то должен признаться, что я испытываю некоторое недоумение, ибо чем больше я слушаю, тем больше я прихожу в замешательство. Как мне припоминается, посол Австралии, при всем моем уважении, указал, что то, что он предлагает, не является составной частью официальной работы Конференции. Так вот, чтобы верно и точно доложить в Пекин, я надеюсь, вы простите мне, если я запрошу чуть больше разъяснений либо у Председателя, либо у представителей Австралии или Японии. Ведь когда вы говорите, что такая деятельность не есть часть официальной работы Конференции, вы говорите, что она есть часть неофициальной работы Конференции, или же что по определению она не входит в состав работы Конференции? Так что я надеюсь, что меня тут могли бы просветить, дабы я мог точно доложить домой.

Председатель (*говорит по-английски*): Как раз сейчас у меня в списке фигурируют Алжир, Сирийская Арабская Республика, Германия, Соединенные Штаты и Япония. Если какое-то одно государство имеет вопрос специфического свойства, то некоторые из вопросов, пожалуй, можно было бы с успехом уладить в двустороннем порядке. Тем не менее тут опять же есть множество процедурных вещей, но я определенно дам вам слово. Сегодня после обеда у нас есть масса времени для того, чтобы разобраться со всем этим. Слово имеет Алжир.

Г-н Хелиф (Алжир) (*говорит по-французски*): Алжирская делегация хотела бы прежде всего поблагодарить вас, г-н Председатель, за сделанное вами объявление относительно организации Стокгольмским международным институтом по исследованию проблем мира (СИПРИ) и Институтом Организации Объединенных Наций по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР) мероприятия на следующей неделе, и нам хотелось бы поблагодарить посла Австралии за его объявление об организации еще одного мероприятия в ближайшие дни. Эти мероприятия, которые, как мы надеемся, будут носить конструктивный характер, наверняка позволят делегациям лучше понять проблематику космического пространства и запрещения производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

Нам хотелось бы также, чтобы всякая проводимая деятельность шла в русле укрепления роли Конференции по разоружению в качестве единого многостороннего форума переговоров по разоружению. Алжирская делегация хотела бы подчеркнуть, что, как она полагает, объявленные мероприятия не являются официальными или неофициальными мероприятиями Конференции по разоружению, которые должны определяться с общего согласия по правилам процедуры. И поэтому мне хотелось бы, чтобы эта интерпретация была хорошо задокументирована в протоколе заседания и чтобы она была принята в расчет в тот момент, когда в конце года мы будем принимать свой годовой доклад о деятельности Конференции по разоружению.

Г-н аль-Нукари (Сирийская Арабская Республика) (*говорит по-арабски*): Г-н Председатель, в вашем лице я хотел бы выразить нашу благодарность уважаемым послам Австралии и Японии за это приглашение провести консультации в виде параллельных мероприятий. Ясно, что эти параллельные мероприятия весьма тесно связаны с ключевой работой Конференции.

Собственно, моя делегация и не собиралась брать слово. Однако дебаты, которые последовали за заявлением посла Австралии относительно этих мероприятий, прозвучавшие вопросы и данные ответы напомнили мне о ряде прежних вопросов, возникавших в связи с рабочими методами Конференции.

Моя делегация не сомневается, что есть возможность призывать к проведению параллельных мероприятий. Более того, у нас нет опасений, что это посягало бы на правила процедуры. И мы ведем речь вовсе не об этом. Вместе с тем нас поистине заботит вот что: если мы согласимся с предложением о проведении трех заседаний по весьма специфической проблеме в рамках тернистой темы, то встанут вопросы о том, действительно ли тут идет речь о параллельном мероприятии – ведь в соответствии с прошлой практикой так называемых параллельных мероприятий мы обычно предусматривали мероприятия, которые проводились в рамках не трех заседаний, а в рамках единичного заседания.

Общеизвестно, что параллельное мероприятие представляет собой параллельную деятельность, не связанную с Конференцией. Другими словами, Организация Объединенных Наций не является его стороной. Стороной тут является созывающая сторона, которая и несет ответственность. И вполне логично, что на этих мероприятиях не обеспечивается устный перевод. Это ясно, и я не думаю, что этот вопрос носит спорный характер. Таков смысл "параллельных мероприятий". Ну а сейчас мы ведем речь о трех заседаниях для обсуждения лишь определения по специфической теме. Я полагаю, что предлагаемая процедура, по сравнению с прошлой практикой, вызывает вопросы относительно природы этого приглашения на такое мероприятие.

Второй пункт, который я хотел бы отметить, состоит в том, что Конференция является единственным переговорным форумом. Как мне помнится, в предыдущие годы мы принимали повестку дня Конференции, в которой по каждому пункту повестки дня, по крайней мере насколько я помню, отводилось определенное число заседаний. По четырём основным пунктам повестки дня выделялось одинаковое число заседаний для работы над ними. Я также припоминаю, что в прошлом году координатор по каждому пункту повестки дня, или по каждой из этих тем, созывал дискуссии на согласованной основе. Например, как мне помнится, в отношении кое-какого определенного существа было запланировано заседание, чтобы обсудить его определение. И поэтому в принципе мы как члены Конференции по разоружению можем учитывать важность приглашения от Австралии и Японии, и тут я вновь благодарю их за это приглашение. Но с учетом важности этого дела я полагаю, что тем не менее есть возможность улаживать эти проблемы в рамках принятого графика заседаний, который мог бы ориентировать нашу работу и обогащать эти дебаты.

Мой коллега из Алжира касался важной проблемы. Если в случае этого приглашения речь идет сугубо о параллельном мероприятии, то, как я полагаю, и вывод на этот счет должен состоять в том, что речь идет о параллельном мероприятии, которое не имело бы отношения к Конференции.

В свете вышесказанного, я думаю, что нам было бы уместно серьезно подумать о принятии графика мероприятий, которым были бы распределены задачи по каждому пункту повестки дня Конференции. Я не думаю, чтобы в прошлые годы возникали какие-то проблемы в этом отношении.

Мы надеемся, что в ходе вашего председательства будут проведены необходимые консультации, с тем чтобы мы смогли приступить к работе и с тем чтобы мы смогли также заложить общую почву для наших усилий по отношению ко всем предстоящим нам делам.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю представителя Сирийской Арабской Республики и прошу поверить мне: я работаю над тем, как продвинуться вперед. Это интересный момент, и те из нас, кто выделял время на мероприятия ЮНИДИР, слышали, как некоторые из наших экспертов выступали именно по этой проблеме. Да и прямо сейчас у нас есть программа работы, которая содержит мандаты для каждого из вспомогательных органов. И если вы хотите продолжить консультации, то я легко могу выпустить в консультации с коллегами по председательской шестерке график работы, который носил бы перспективный характер и организационно отвечал бы требованиям даже в рамках правил процедуры. Вся загвоздка у нас, как вы, наверное, знаете с мандатами по отдельным ключевым проблемам и по другим темам повестки дня, и особенно по проблеме переговорного мандата лишь дискуссионного характера. Тем не менее я ценю ваше заявление. А теперь слово имеет Германия.

Г-н Хоффман (Германия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, собственно, я тут был несколько озадачен, и первоначально я подумал, что, быть может, мне следует поднять вопрос по порядку ведения заседания, но потом я подумал: ну, я сделаю это в порядке обычной заявки на выступление, ибо у меня нет полной уверенности на тот счет, что мы здесь обсуждаем. Австралия и Япония пригласили нас на ряд мероприятий вне Конференции по разоружению, и сделали они это весьма ясно, как отмечали это и вы тоже, и я хотел бы сказать, что я очень признателен за то, как вы ведете здесь дискуссии. Как мне думается, вы, исходя из своего опыта, вполне вправе интерпретировать то, как вы понимаете приглашение Австралии и Японии. Насколько я понимаю, тут ни от Конференции по разоружению, ни от Председателя Конференции по разору-

жению не требуется решения. У нас на руках есть приглашение, и если говорить за мою делегацию, то мы очень признательны за это приглашение. Другим делегациям придется составить свое мнение на тот счет, принимают они приглашение или нет. И, на мой взгляд, тут ни убавить, ни прибавить; и, конечно же, мы надеемся, что очень многие делегации, а хотелось бы надеяться – и все делегации, примут приглашение и примут участие в этих дискуссиях. Мы на Конференции по разоружению апробировали много маршрутов, и мне думается, что нам следует дать шанс этой попытке углубить дискуссии по определенным проблемам, в которых заинтересованы многие делегации. Как мне помнится, в прошлом году мы проводили на Конференции по разоружению неофициальные дискуссии. Но вот в данный момент я бы предпочел дать шанс приглашению, только что сделанному Австралией и Японией. Чтобы укоротить нашу дискуссию, я спрашиваю вас как Председателя, согласны ли вы с моей оценкой на тот счет, что ни от нас, ни от вас тут не требуется никакого решения, и поэтому, как мне представляется, нам следует закончить эту дискуссию.

Председатель (*говорит по-английски*): Это национальная инициатива, и тут очевидно, что решения Конференции по разоружению не требуется. Это немножко похоже на то, что было в Берлине, когда года полтора назад я был там на брифинге по ДЗПРМ. Я уж и не помню, как это, собственно, называлось, разве что там было множество экспертов, которые очень хорошо выступали, и это было очень познавательно. Поэтому я и смотрю на это как на национальную инициативу. Следующим слово имеет представитель Соединенных Штатов Америки.

Г-н Рейд (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я буду относительно краток, потому что я думаю, что наш германский коллега весьма кристально выразил часть моих размышлений относительно той путаницы, которая у нас тут, похоже, наблюдается. Вместе с тем у меня все же имеются кое-какие сомнения, и в особенности сомнения, которыми я хотел бы поделиться с некоторыми из других здешних коллег, которые как раз сейчас работают над параллельными мероприятиями по другим темам. Вы упомянули грядущее мероприятие СИПРИ по космосу. Мы сейчас работаем с ЮНИДИР, и нам доводится работать с нашими китайскими и российскими коллегами и над другим мероприятием ЮНИДИР с прицелом на космос, которое запланировано на весну. И я бы только спросил, а разве мы тут просим у Пекина столь много разъяснений на тот счет, что они думают о соотношении между тем мероприятием и тем, что мы делаем здесь. Я не вижу тут разницы. У нас имеется множество мероприятий по космосу, как я понимаю, в рамках множества неофициальных форматов параллельных мероприятий. И я бы подумал, что все это в принципе такого же рода подручные инструменты, как мы имеем это и в Нью-Йорке в Первом комитете и в других местах. И я тут не усматриваю новизны в данном конкретном приглашении.

Другой вопрос, который меня озадачивает, состоит вот в чем: не слышу ли я тут от коллег, что они поистине заинтересованы в более официальной работе по ДЗПРМ? И что же они хотят – добавить больше пленарных заседаний? У нас прошла интересная дискуссия, и я определенно был бы рад присовокупить сюда больше пленарных заседаний по ДЗПРМ – а ведь, похоже, как раз об этом они и ведут речь. Я был бы рад, если бы их добавили в расписание. Как мне думается, мы готовы и далее весьма глубоко дискутировать на эту тему, равно как и по другим темам. И если это удастся еще больше отладить, то мы тут в распоряжении у председательской шестерки.

Г-н Суда (Япония) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, моя делегация несколько недель и месяцев по линии различных консультаций высказывалась в поддержку так называемой австралийской инициативы и решила не только твердо ее поддержать, но и присоединиться к устройству этого параллельного мероприятия. Тем не менее я хотел бы сказать несколько слов относительно высказанных различных замечаний, хотя я думаю, что мой германский коллега поистине высказал один важный, но простой тезис, чтобы развеять всякую путаницу. Похоже, что сегодня после обеда у нас в зале заседаний имеет место ненужная путаница. Что касается параллельного мероприятия, то, как четко сказал австралийский посол Вулкотт, мы не вносим здесь, на Конференции по разоружению, никакого предложения на предмет какого-то решения, мы просто приглашаем другие государства-члены или страны посетить это параллельное мероприятие. Это параллельное мероприятие определенно не является формальным или неформальным мероприятием или совещанием в рамках Конференции по разоружению. Это не мероприятие Конференции по разоружению; мы просто приглашаем все государства-члены на это мероприятие. Мы полагаем, что это параллельное мероприятие станет полезным подспорьем в плане поддержки, насколько мы, страны, можем сделать это, предметной работы Конференции по ДЗПРМ. В этом состоит его единственная цель, и нам хотелось бы, чтобы все вы посетили это заседание, ибо мы считаем, что это было бы полезно для всех нас. Ну а посещать или нет это параллельное мероприятие – это уж дело ваше. Конечно, нам хотелось бы, чтобы по мере возможности продолжалась дискуссия и в рамках Конференции по разоружению, но это ведь не возбраняет проведения любого параллельного мероприятия, которое та или иная страна или государство-член считает полезным для наших дискуссий в рамках Конференции по разоружению в будущем.

Я хотел бы возобновить наше приглашение в адрес всех вас и надеюсь, что все вы сможете посетить это мероприятие. Вместе с тем я должен четко сказать: заинтересованы ли вы в этом параллельном мероприятии и будете ли вы участвовать в этом параллельном мероприятии или нет – это уж ваше дело.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Японии. Ну и, как я понимаю, на это мероприятие приглашены и государства-наблюдатели. А теперь слово имеет посол Китая.

Г-н Ван Цюнь (Китай) (*говорит по-китайски*): Я уже дважды брал слово. И я выступаю в третий раз потому, что я хотел бы понять, входит или нет предложение Австралии в состав работы Конференции по разоружению. Представляет ли оно собой часть работы Конференции по разоружению? Все ведь очень просто: я хотел бы лишь направить к себе в столицу точный и достоверный доклад. Но я только что выслушал заявления некоторых коллег, которые побуждают меня вновь взять слово и запросить кое-какие элементарные разъяснения.

Почему разъяснения, которые мы только что услышали, так важны для доклада, который я направлю к себе в столицу? Если мы дискутируем нечто такое, что составляет работу Конференции, то речь идет о работе Конференции. Если же, как только что сказал посол Японии Суда, такая деятельность, будь то официальная или неофициальная, не составляет работу Конференции, то доклад об этом поможет нашей столице соответственно судить об этом и решить, как она в конечном счете хотела бы поступить в связи с этим вопросом.

Быть может, с моей стороны и несколько эгоистично расточать время каждого, но для китайской делегации речь идет о важном деле, ибо, раз в австралийско-японском предложении не внесено ясности на тот счет, входит ли соответствующая деятельность в состав работы Конференции по разоружению, то,

как я полагаю, нам нет и резона дискутировать, предполагает ли эта проблема решение Конференции. Если эта деятельность не укладывается в рамки работы Конференции, то, естественно, нет и резона для того, чтобы вставал вопрос о решении Конференции. Если же она все же входит в рамки ее компетенции, то и решение должно приниматься не шестеркой председателей, а членским составом Конференции. И занимаясь этим вопросом, нам не надо ставить телегу впереди лошади. Сперва нам надо уточнить, входит ли это в конце концов в состав работы Конференции.

Во-вторых, позвольте мне поблагодарить австралийскую и японскую делегации за эту инициативу. И даже если формально она не входит в состав работы Конференции, эти делегации искренне стремятся продвигать работу Конференции по разоружению наряду с переговорами по ДЗПРМ, и это уже само по себе есть хорошая вещь. Не попрекая кого бы то ни было, я хотел бы сказать, что можно было бы с самого начала четко указать: план состоит в том, чтобы работа проходила либо "на полях" официальной работы, либо "как составная часть работы Конференции", либо как-либо еще, с тем чтобы у таких не совсем проницательных людей, как я, не возникало путаницы. Так что я признателен японскому послу за его разъяснение.

Я надеюсь, что вся эта работа станет подспорьем для Конференции по разоружению в ее переговорах по ДЗПРМ. В сущности, такого рода деятельность, хотя она, быть может, и принимает новую форму, никоим образом не представляет собой новацию. Прежде японская делегация проводила серию мероприятий по ДЗПРМ. Параллельные мероприятия и рабочие ланчи – это чудесное дело, как и другие мероприятия в связи с ДЗПРМ, предлагаемые государствами. Другие страны тоже выдвигают свои собственные инициативы, высказывают свои идеи и организуют множество семинаров по договору о прекращении производства расщепляющегося материала.

В то же время проводятся многие мероприятия и по другим важным темам, заботящим членский состав Конференции и международное сообщество, даже если они и организуются за рамками Конференции. Они включают дискуссии по космическому пространству, такие как по китайско-российскому проекту договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, а также семинары по ядерному разоружению, организуемые рядом стран. Все такие мероприятия носят благотворный характер, и все они способствуют дискуссиям и будущей работе Конференции. Но тот факт, что они явно носят важный и полезный характер, никоим образом не должен мешать нам четко конкретизировать, какого же рода деятельность они представляют собой. В этом состоит единственный способ обеспечить, чтобы мы принимали в них участие и проводили их как можно лучше. И это вполне логично. Представитель Соединенных Штатов спросил, почему Китай, выдвигая эту тему, не поднимет каких-то других вопросов. Как мне думается, тут нет нужды повторять аргументацию, которая весьма проста. Во всяком случае, я надеюсь, что Конференция востребует все каналы работы и все проявят требуемую политическую волю и мудрость и предпримут общие усилия к тому, чтобы как можно быстрее продвигать вперед деятельность и предметную работу Конференции.

Я хотел бы поблагодарить посла Гриниуса, который обеспечил нам хороший старт. Мало того, что он провел нас через процесс благополучного принятия повестки дня, он еще и открыто и транспарентно занимался нашей программой работы последних нескольких недель – ориентировочным графиком нашей деятельности, консультируясь и проводя транспарентные дискуссии с каждым государством-членом. Что же касается участия в стенах этого зала, то каждый

проявил особенно конструктивный и кооперативный подход, принимая без возражений в последние несколько недель ориентировочный график посла Гриниуса. Как я полагаю, если бы мы смогли продолжать дискуссии по всем темам в атмосфере, пронизанной такой конструктивностью, как в прошедшие две-три недели, то в этом не было бы ничего дурного.

Представитель Соединенных Штатов сказал, что он рассчитывает продолжать в том же духе, и я думаю, что всем нам нужно, чтобы с этим согласился каждый. И это не может не дать позитивного результата. Быть может, посол Гриниус согласится действовать таким образом, равно как и посол Чили, и все мы работали бы в рамках правил Конференции. Судя по двум неделям работы посла Гриниуса, мы усматриваем проблеск надежды. Всем нам нужно наращивать взаимное доверие.

Имеются озабоченности по поводу национальной безопасности, и это нормально, и тут нет причин для страха. Кардинальное значение имеет то обстоятельство, что нам надо смотреть в лицо этой реальности и за счет политической воли и политической мудрости улаживать такие озабоченности и достигать решения, которое сможет принять каждый. В сущности, тут уже какое-то время поговаривают о том, что Конференция по разоружению вот уже 10 лет как находится в заторе и не достигает прогресса. Я с этим не согласен. Я поддерживаю представителя Российской Федерации г-на Виктора Васильева, который на днях сказал, что нельзя утверждать, будто в последние два года Конференция не достигла прогресса. Г-н Васильев упомянул проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, а ведь было сделано гораздо больше. Например, под руководством посла Алжира Джазайри все члены Конференции приняли документ CD/1864, и это немалое достижение.

Что же касается вопроса о том, почему позднее Конференция не начала переговоров по ДЗПРМ, то, как мне думается, чтобы найти ответ на этот вопрос, достаточно пристально взглянуть на ситуацию. В то время, когда был принят CD/1864, уважаемый посол Пакистана не выдвигал "убийственную" поправку. Так что политически тут очень важно взаимное доверие. Хотя в августе 2009 года все согласились с CD/1864, мы не могли бы начать работу на основе CD/1864 году, но мы могли бы нарастить динамику. Почему же это не оказалось возможным? В общем, нам нужно взаимное доверие, а не взаимные попреки. Для нас CD/1864 являет собой большой шаг вперед, и нам ни в коем случае не надо его принижать.

Помимо этого, в прошлом году, когда в качестве Председателя выступал посол Бельгии, Конференция провела неофициальные дискуссии по четырем ключевым проблемам, и такая конфигурация снискала себе единодушную поддержку. Кто говорит, что Конференция не может достичь консенсуса? CD/1864 был принят консенсусом, а под бельгийским председательством каждый согласился на проведение неофициальных консультаций; это тоже было принято консенсусом, и к консенсусу присоединился каждый член Конференции. Так откуда же такой скептицизм, когда речь заходит о дискуссиях на Конференции? Откуда такой дефицит доверия? Нам надо иметь доверие, с тем чтобы в рамках правил Конференции как можно скорее начать предметную работу. Посол Гриниус обеспечил нам хороший старт. Так давайте же неуклонно выдерживать устойчивый ритм, с тем чтобы на Конференции – либо за счет официальных заседаний в пленарном составе, либо за счет неофициальных дискуссий – можно было дискутировать четыре ключевые проблемы.

Мне думается, что если мы сделаем это правильно, то мы обретем хорошую основу для нашей программы работы. И эта основа, эта успешная программа работы есть дело рук посла Гриниуса и посла Чили. И если каждый хорошо постарается, то я вполне убежден, что Конференция проведет переговоры и примет программу работы и приступит к предметной работе. Чего нам надо остерегаться, так это

(продолжает по-английски)

предвзятых воззрений. Так давайте же отделаемся от таких предвзятостей и поистине приступим к работе Конференции в рамках ее параметров.

(продолжает по-китайски)

Сегодня у меня не было намерений говорить так долго, и я прошу прощения за столь пространное выступление. Позвольте мне еще раз подчеркнуть, что я поддерживаю работу, проводимую на Конференции. Переговоры имеют такое свойство, что они явно должны проводиться в ее рамках. В то же время я хотел бы высказать свое восхищение другим странам, которые за счет подхода,

(продолжает по-английски)

принятого вне Конференции, прилагают такие усилия. Неофициальные лепты могут дополнять нашу работу и являются полезным подспорьем. Так что я хочу поблагодарить посла Австралии и посла Японии за их колоссальные усилия.

(продолжает по-китайски)

Прошу извинить меня за пространное выступление и спасибо всем вам за внимание.

Г-н Манфреди (Италия) *(говорит по-английски)*: Я буду очень краток. Я просто хотел бы сказать несколько слов о параллельном мероприятии, начав с того, что многосторонняя дипломатия сосуществует с параллельными мероприятиями еще с Венского конгресса. Организовывать их волен любой член Конференции по разоружению. Делать это – их суверенное право, и никто не может тут им воспрепятствовать. Идея параллельного мероприятия состоит в том, что если вы заинтересованы в теме, которой оно касается, то вы вправе принять участие. Если вас это не интересует, то вы можете держаться в стороне. Со своей стороны, Италия весьма признательна Австралии и Японии за их инициативу в плане организации трехдневного параллельного мероприятия по определениям в рамках ДЗПРМ. Мы считаем это полезным познавательным опытом для наших будущих дискуссий, и поэтому мы примем участие.

Г-н Дарейи (Исламская Республика Иран) *(говорит по-английски)*: Я извиняюсь, что я вновь взял слово, но я ценю объяснения, данные нам нашими уважаемыми коллегами. Я думаю, г-н Председатель, как вам хорошо известно, что работа Конференции по разоружению носит ясный характер и ясный характер носит процедура, и мы поистине ценим то, как вы ссылаетесь на правила процедуры. Ясно, что вы ведете работу Конференции по разоружению в рамках правил процедуры, и мы ценим это. Исходя из правил процедуры у нас есть два варианта: проводить официальные пленарные заседания и переговоры на основе программы работы; или же, если нет консенсуса по программе работы, мы можем практиковать новаторство и проводить какие-то неофициальные дискуссии, как мы это делали под бельгийским председательством. Так, мы представляем график, мы обсуждаем его, и в интересах равенства всех пунктов повестки дня мы и могли бы решить так поступить. Это ясно; и я понимаю, что мероприятие, объявленное послами Австралии и Японии, не укладывается ни в одну

из этих двух категорий, – это что-то еще. По самой своей природе это поистине параллельное мероприятие, и если бы оно было объявлено секретариатом, то это позволило бы избежать множества недоразумений, потому что, когда мероприятие объявил Председатель Конференции, это вызвало кое-какие недопонимания среди делегаций на тот счет, что вы, быть может, ищете какого-то одобрения или принятия решения.

Ну а теперь, услышав все эти объяснения от коллег, я думаю, что тут дело ясное: речь идет о параллельном мероприятии. Параллельные мероприятия нам не в новинку; у нас ведь было много параллельных мероприятий, как я уже говорил, таких как Тегеранская конференция по ядерному разоружению. Мы также подумываем о проведении еще одного параллельного мероприятия, в частности по ядерному разоружению, и мы приглашаем всех коллег принять в нем участие. Параллельные мероприятия имеют свои собственные достоинства, и этот случай не следует раздувать сверх всякой меры. Итак, с учетом того, что у нас идет речь о параллельных мероприятиях, государства-члены вправе объявлять их и государства-члены вправе приглашать страны, равно как и государства-члены вправе участвовать в них или нет. Это ясно. И это могло бы помочь, а могло бы и не помочь нам с повесткой дня. Как мне думается, вопрос теперь ясен, по крайней мере для нас, и мы ценим объяснение, которое вы нам дали.

Председатель (*говорит по-английски*): Большое спасибо. Опять же я сожалею по поводу любой путаницы, вызванной объявлением параллельного мероприятия. Мы достаточно хорошо знаем друг друга. Как мне думается, я довольно хорошо знаю большинство из вас, и вы знаете, что я с большим энтузиазмом отношусь к поступательному продвижению всего процесса и с энтузиазмом отношусь и к другим событиям, которые происходят за рамками Конференции по разоружению, так же как я весьма проникся энтузиазмом и объявил, что будет проходить параллельное мероприятие с нашими устными переводчиками. Я смотрю на это просто как на "хозяйственный вопрос". Было бы приемлемым, если бы я обратился к секретариату и сказал: "хозяйство? – это к вам", с тем чтобы от председательства не исходило никакой путаницы и дабы ничем не поколебать и этот благородный форум, и его мощь, и его славу? Ну, тогда мы позаботимся о том, что это делалось корректно. А теперь слово имеет Пакистан.

Г-н Хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, примите мои извинения за то, что я вновь беру слово, но прежде всего я просто хотел бы поблагодарить вас за содействие этой дискуссии и пояснить, почему я поднял этот вопрос. Да потому, что мы придаем важное значение Конференции по разоружению и восприятиям всех делегаций по отношению к разным аспектам работы. Мы должны уважать право друг друга поднимать этот вопрос, чтобы получить разъяснение. Зачастую, когда становится четко видно, где тут черное, а где – белое, разъяснение помогает делу, а бывают и разъяснения по аналогии, хотя разъяснения по аналогии и путают людей. Между тем мы слышали очень четкие разъяснения от посла Японии и от вас лично, и мне думается, что наилучшее разъяснение по аналогии имело место тогда, когда вы провели параллель с совещанием, которое вы посещали в Берлине. Во всяком случае, я хочу поблагодарить вас, г-н Председатель, и посла Японии за дачу разъяснений. А теперь, с вашего позволения, разрешите мне задать вопрос о привлечении устных переводчиков во время этого параллельного мероприятия. Будут ли там устные переводчики?

Председатель (*говорит по-английски*): Устных переводчиков там не будет. Как я полагаю, рабочим языком будет только английский. Алжир, вам слово.

Г-н Хелиф (Алжир) (*говорит по-арабски*): Нам бы хотелось, чтобы применительно к этому мероприятию был обеспечен устный перевод. Но поскольку это невозможно, это ограничит нашу способность участвовать в этом совещании так, как нам бы хотелось.

Во-вторых, в свете дискуссий относительно таких мероприятий, нам хотелось бы, чтобы здесь, на Конференции, как и в случае других совещаний, вошло в обычное дело, чтобы, когда делается заявка на проведение таких мероприятий, которые выходят за рамки работы Конференции, объявление об этом делалось секретариатом Конференции. Это положило бы конец всяким ошибочным интерпретациям. Кроме того, – и тут речь идет не о приглашении, а о пожелании, – нам хотелось бы иметь аналогичное мероприятие по разоружению, и особенно по договору о всеобъемлющем запрещении ядерного оружия.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю представителя Алжира за его заявление, и я бы приветствовал, если бы Алжир или другие страны организовали параллельное мероприятие по ядерному разоружению, которое потом было бы объявлено не Председателем, а секретариатом, и, как хотелось бы надеяться, я бы не испытал столько неприятностей. Я хотел бы поблагодарить всех сегодняшних участников. У нас состоялась продолжительная дискуссия, – точно так же, как и во вторник по ядерному разоружению. Я считаю, что наш обмен по расщепляющемуся материалу и артикуляция важных позиций относительно национальной безопасности имеют важное значение. Я также поистине ценю то обстоятельство, что сегодня после обеда у нас состоялся такого рода обмен. Я не видел никого, кто выступал бы с машинописным текстом. Это был просто более спонтанный обмен взглядами, который определенно выходил за рамки вопроса сугубо о том, что такое параллельное мероприятие, и больше выливался в размышления о том, как должен работать этот орган, Конференция по разоружению, и продвигаться вперед с мудростью и скоростью, да тут, как мне думается, есть еще и фактор удачи.

Ну и на этом я хотел бы закончить наше заседание на сегодня. Следующее пленарное заседание состоится во вторник, 8 февраля, в 10 ч. 00 м. Большое спасибо

Заседание закрывается в 17 ч. 10 м.